

ТРИЛЛЕР ДЕСЯТИЛЕТИЯ

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ЧЕРНЫЙ СТРЕЛОК

Александр Владимирович Мазин

Черный Стрелок

Серия «Хакер», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165613

Черный Стрелок: АСТ, Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2005

ISBN 5-17-027358-4

Аннотация

Алексей Шелехов – наследник изрядного состояния, учится в Англии, пока его опекун управляет промышленной империей погибшего в автокатастрофе отца Алексея. Через полгода Алексею исполнится восемнадцать, и он станет полноправным хозяином наследства...

Нет, не станет. Оно уже ему не принадлежит. Вдобавок Алексей случайно становится свидетелем еще одной криминальной операции своего опекуна, жертвой которой стала юная девушка, тоже наследница значительного состояния... В течение одного дня молодой аристократ и наследник превращается в дичь, которую травит один из могущественных «князей» Ширгородской области. Но у Алексея есть могучее оружие – информация. И еще друзья, свои собственные и – погибшего отца. Травли не будет, будет война...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	35
Глава четвертая	49
Глава пятая	62
Глава шестая	70
Глава седьмая	85
Глава восьмая	93
Глава девятая	103
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Мазин

Черный Стрелок

Глава первая

Город Никитск был основан три века назад. Вернее, три века назад получил официальный статус, а до той поры являлся прибежищем народа самостоятельного и незаконопослушного, в тогдашней терминологии собирательно именуемого «ворами». В то время термин «воровать» еще не определился, как «брать чужое» (последнее тогда называли хищением, как в нынешнем УК), а означал некое противоправное действие, направленное против законов, традиций и власть предержащих. И определение «вор» приносило обладателю «титула» одни неприятности. Ныне же Николай Григорьевич Хлебалов, у которого уже имелся один неофициальный титул – никитский «князек», шесть лет назад выложил за право называться еще и «вором» ну очень толстую пачку заморских денег. Что поделать, коронация субъекта, ни разу не «ходившего к хозяину», стоит недешево, даже если по действующим законам этот субъект уже заработал суммарный срок лет в триста. Заработать-то заработал, да кто ему даст? Во всяком случае не правосудие г. Никитска, снизу доверху проплаченное Николаем Григорьевичем. И не для

Никитска, разумеется, короновался Хлебалов и не для придания веса в общероссийских масштабах. Накатила блажь – и короновался. А кому не нравится – пусть сунет ствол в ухо и застрелится!

Дубовые двери в кабинет Хлебалова, размерами напоминающий теннисный корт, деликатно отворились. Внутрь заглянул невзрачный человечек средних лет. Секретарь. Доверенный секретарь.

– Николай Григорьевич, Юматов. Будете говорить?

– Давай!

Человечек вручил хозяину трубку и испарился.

Секретарей Хлебалов уже давно выбирал не по экстерьеру, а по квалификации. По экстерьеру он выбирал лошадей, а секретарь должен деньги отрабатывать. А если захочется Хлебалову перед обедом палку кинуть, секретарь трубку снимет – и вся балетная школа города Никитска у Хлебалова на ковре «ромашкой» ляжет.

– Чего тебе? – буркнул Хлебалов.

– Проблемки, Николай Григорьевич, – сообщила трубка. – Чижик из Кургана звонил. Там у них с местными отморозками какие-то «терки». Может, скажете Яблоку, пускай подъедет? У него ж там каждый второй – сват-брат.

– На пенсии Яблоко, – недовольно произнес Хлебалов. – А то ты не знаешь.

– Ну если вы попросите... – заканючил Юматов. – Вам-то он не откажет, Николай Григорьевич!

– Хрен с тобой. Попрошу.

«Эти курганские – как чирь на заднице! – подумал Хлебалов. – Вечно права качают!»

Но, с другой стороны, бойцы из курганских отменные. Тот же Яблоко, пока здоров был, – цены ему не было.

Хлебалов нажал кнопку:

– Фома, – сказал он секретарю. – Где у нас нынче Застенов?

– В аэропорт поехал, Николай Григорьевич. Сегодня же Алеша прилетает. Он встречать поехал.

– Да, я забыл, – Хлебалов подумал немного. – Позвони ему на трубу, скажи: пусть по дороге в Праздничное заедет, найдет Яблоко и привезет сюда. Он мне нужен.

Хлебалов отпустил кнопку, откинулся на спинку кресла. Значит, Алешка сегодня прилетает. Еще одна проблема. Через полгода парню стукнет восемнадцать, и опекунству Хлебалова официально придет конец. Сын Игоря Шелехова вступит в права наследования. И после окончания юридических процедур Краснянский нефтеперегонный, Курганский металлический и еще с десятков предприятий помельче выйдут из-под контроля Хлебалова. То есть выйти-то они не выйдут, но шум может возникнуть нехороший. Такой нехороший, что «семейный фонд» покойного Игоря Алексеича Шелехова, Алешкиного папаши, может запросто сделать Николаю Григорьевичу ручкой. Не говоря уже о том, что многие серьезные дяди из областного центра, славного града Шир-

города, очень серьезно не любят никитского «князька» и могут даже раскопать дела, давно минувшие: ту самую автокатастрофу, в которой погибли Шелехов с женой. Тогда многие пальцами на Хлебалова показывали. Подозревали... Ну из подозрений банк не построишь, а вот из черных прибылей Курганского металлического – запросто. И время нынче какое нехорошее. Москва мало того, что все деньги норовит в себя втянуть, так еще норовит потом этими же деньгами все на корню скупить... Или приватизировать. Вон Курганский металлический уже дважды пытались... Еле отбился: свои из Минобороны заступились, Медведев помог. Не бесплатно, конечно.

Нет, шум сейчас совсем даже не нужен. Придется время тянуть. Отправить пацана в Англию еще года на три. И девку эту – вместе с ним. А через три года...

Хлебалов оборвал мысль. Он никогда не строил планов, под которые не мог подвести строгое обоснование.

В восьмидесяти километрах от Никитска лоснящийся черный «мерседес» с никитскими номерами сбросил скорость со ста сорока до сорока и с визгом развернулся.

Один из двоих людей, постарше, комфортабельно устроившихся на заднем сиденье, только что спрятавший в гнездо телефон и приказавший водителю развернуться, сказал своему спутнику:

– Леха, это Григорыч звонил, просил к Коле Яблоку за-

ехать. Заедем?

– Конечно, Веня! С удовольствием! – ответил младший.

Алексею Шелехову полгода назад исполнилось семнадцать, но выглядел он значительно старше и ростом почти сравнялся с человеком за рулем «мерседеса», Вениамином Застеновым, а в Вене – почти метр девяносто. Правда, в плечах Застенов, именуемый друзьями и недругами Стеной, пошире своего спутника. Но и Алешку Шелехова хилым никто не назовет. Сын статью в отца пошел, а Игорь Шелехов в молодости три года подряд был чемпионом края по дзюдо. В тяжелом весе.

– Я дядю Колю всегда рад видеть, – лучезарно улыбнулся Алеша.

И Стена, глядя на него, тоже расплылся в улыбке. Подумал:

«Такой славный парень вырос, просто душа радуется. Нет, правильно его Григорьич подальше от нашего говна держит!»

– Миша, – сказал он шоферу, – давай от развилки направо. В Праздничное.

Шофер молча кивнул. Он уже понял. Говорил Миша мало, зато стрелял метко. Потому и возил уже третий год Веню Застенова, на которого многие зуб точили. И пусть точат! Отточенные зубы Веня вышибал с особенным удовольствием.

Дорога от трассы до Праздничного была отменная. Два-

дцать километров пролетели меньше чем за десять минут. Подъезжая к воротам, Миша даже и не подумал остановиться, только сбросил скорость со ста сорока до шестидесяти. Ворота уже были открыты, и охранник рядом застыл навытяжку. Этому наверняка позвонили с поста ГАИ, сообщили: «Стена едет».

Дома в Праздничном стоили от тридцати до трехсот тысяч долларов, но одних долларов для того, чтобы стать хозяином здешнего особняка, было недостаточно. Это был поселок для *своих*.

Дом Яблока не был самым большим в поселке. Но и не самым маленьким. И отписал его Николаю лично Хлебалов. Пришел к Коле в больницу и положил на одеяло документы. При всех своих, мягко говоря, недостатках, имел Николай Григорьевич неоспоримое достоинство в глазах его людей: *своих* никогда не забывал.

Увидев в окошко подъехавший «мерседес», Николай Яблоко обрадовался. Когда-то один из лучших бойцов Никитска, начальник личной охраны Хлебалова, два года назад он, как и подобает охраннику, прикрыл собой хозяина и получил в грудь четыре автоматные пули. На нем был бронежилет, поэтому Николай выжил. Но работать больше не мог. Он и двигался с трудом.

Ворота открыла автоматика. Мерс аккуратно въехал на выложенную плитами дорожку и остановился. Две овчарки, желтая среднеазиатская и черный «немец», подбежали к ма-

шине. Они не лаяли, не прыгали на дверцы с яростным лаем, не царапали когтями стекла. Их обучали иначе. Дождаться, пока незваные гости выйдут из машины, улучшить момент и вцепиться в глотку или в пах. Если, конечно, хозяин не даст отмашку.

– Ворон, Туркмен, свои! – крикнул появившийся на крыльце Яблоко, и псы, тут же утратив профессиональный интерес к гостям, потрусил прочь, точнее, вернулись к патрулированию территории. Если бы хозяин скомандовал не «свои», а «фу!», это означало бы, что его доверие к пришельцам ограничено и в любой момент может прозвучать команда «чужой!», а следовательно, псы должны держаться поближе к гостям, чтобы, к удовольствию хозяина, тут же запустить в них клыки.

Стена вылез из машины, шагнул вперед и заключил Николая в могучие объятия. Бережно, впрочем.

Времена, когда они с Яблоком соревновались, кто сильнее, закончились.

С Мишей хозяин обниматься не стал, ограничился рукопожатием, а вот Алексея сграбастал сам.

– Здорово, Леха!

– Здравствуйте, дядя Коля! Здорово, что вы уже ходите!

В последний раз они виделись, когда Яблоко возили в инвалидном кресле. Одна из четырех пуль, пробив броник, повредила позвоночник, и врачи были почти уверены, что Николай никогда уже не встанет на ноги. Но он встал.

– Гляди, как ты вырос! – воскликнул Яблоко. – Венька, ты глянь! Он же с тебя ростом!

Овчарки вернулись, остановились шагах в десяти, вопросительно глядя на хозяина.

– Можно, – разрешил тот, и кобели бросились к Алексею. Ворон тут же взгромоздил лапы ему на плечи и облизывал все лицо, более сдержанный Туркмен просто потерся головой о бедро юноши. Они были давние друзья, со щенячьих времен, когда Лешка, помогая Николаю, гонял их, полугодовалых, вбивая в их еще бестолковые головы начальные команды.

– Хорош! – гаркнул Николай, и псы оставили Алешку в покое.

Шелехов улыбнулся своему другу и наставнику. Конечно, от прежнего богатыря осталась только тень, худая и сгорбленная, на высушенном болью и болезнью лице зеленые глаза неукротимого бойца, но – тоже незнакомые, блестящие, с расширенными зрачками...

Если бы Алексея попросили назвать своих лучших друзей, он назвал бы не своих одноклассников из привилегированного интерната и не нынешних сокурсников из Англии, и даже не корешей из хакерской тусовки, а дядю Колю Яблоко и дядю Веню Застенова. И еще, пожалуй, Ефима Аслановича Юматова.

Алексею, в девять лет потерявшему в одночасье отца и мать, эти трое заменили родителей. Именно они, а не пре-

подаватели в интернате и в колледже, научили Шелехова тому, каким должен быть мужчина. Юматов – думать, Застенов с Яблоком – драться, стрелять, водить машину и вообще все, что можно водить, включая самолет. Они научили его терпеть боль и выслеживать зверя. И валить его с одного выстрела. Но убивать людей они его не учили, хотя Яблоко и говорил ему не раз, что человека выследить и убить даже проще, чем медведя-подранка. Только вот медведи, которых рискованно Яблоко убивал голым железом, а не пулей, обошлись ему в пару-тройку шрамов, а люди достали охотника по-настоящему.

– Может, в дом пригласишь? – спросил Застенов.

Он видел, что стоять Николаю трудно.

– Лучше на речку, – сказал хозяин. – Лешка, дай я на тебя обопрись! Поглядим, крепкий ли ты, или только с виду?

Яблоко стеснялся своей слабости.

На пляже за домом, под навесом-зонтом прямо на песке стояли кресла. Одно, удобное, – для хозяина, остальные – попроще. Зеленая разлившаяся в ширину Юрь текла почти у ног, гладкая, ровная, искрящаяся на солнце. С противоположной стороны берег был выше, уступчатее. Над обрывом зеленел лес.

– Как Англия? – спросил Яблоко. – Нравится?

Алексей пожал плечами:

– Нормально, дядя Коля. Жить можно.

– Собираешься там остаться?

– Да нет, – парень смутился. – Это я так.

– А ты подумай, – произнес Яблоко. – Скоро тебе восемнадцать стукнет, пора выбор делать.

Тут Яблоко поймал предостерегающий взгляд Застенова и осекся.

– Вы ко мне как, в гости или по делу? – спросил он, чтобы сменить тему.

– И то, и то, – ответил Стена. – Тебя хозяин зовет.

– А в чем дело?

– Понятия не имею, Коля. Хочешь – позвони, – он достал телефон.

– Успеется. Лешка, глянь на тот берег. Что видишь?

– Птицы беспокоятся, – тут же ответил юноша. – Может, зверь их спугнул.

– Или человек, – уточнил Яблоко.

Веня Застенов цепким взглядом прошелся по противоположному берегу.

– Надо бы там людей поставить, – сказал он. – Хата твоя простреливается оттуда, как в тире.

– Да, – согласился Николай. – Хороший стрелок достанет. Только кому я, Веня, нужен, калека недобитый?

– Ну не скажи, – Застенов покачал головой. – Вспомни, сколько за тобой...

– Проехали, – перебил Яблоко, покосился на Алексея. Тот сделал вид, что ничего не слышал. Конечно, он догадывался о многом, но предпочитал не замечать. Да, его друзья ра-

ботають на Хлебалова, а Хлебалов правит Никитском строго и жестко. Зато и порядка в городе больше, чем, скажем, в областном центре. Но ведь дядя Коля не только Никитском, но и имуществом самого Алексея тоже управляет. По завещанию Шелехова-старшего. И, говорят, неплохо управляет. Правда, скоро Алексею стукнет восемнадцать и он должен будет сам вступить в права. Но, скорее всего, управлять по-прежнему будет Хлебалов. Он же сам говорил, что Алексею надо доучиться. Значит, не откажется поопекать шелеховские заводы еще несколько лет.

Признаться честно, Алексей вступать в права не рвался. Если бы у него не было денег, другое дело, но Хлебалов еще три года назад сообщил, что Шелехову-младшему открыт личный счет и сумма на нем была раз в десять больше, чем потребности юноши, который мотом не был, азартными играми не увлекался. А самой дорогой его тратой была покупка скаковой лошади. Но и лошадь была, скорее, потребностью престижа (при колледже были конюшни, и почти все однокашники Алексея держали там собственных лошадей), чем личным желанием.

Звук выстрела отнес ветер. Алексей не придавал ему значения. Не успел. Он услышал удар пули, увидел, как опрокидывается кресло дяди Коли, метнулся, чтобы подхватить, но не успел. И тут же увидел, как падает на песок Застенов. Падает и, уже лежа, пытается вытащить из кобуры пистолет (Зачем? Выстрел явно с соседнего берега, от пистолета ни-

какого толку!), как бегут к ним собаки, а по светлой рубашке Яблока расплывается красное пятно.

Застенов дернул за ногу Алексея, и тот плюхнулся на песок. Собаки с яростным рычанием носились по берегу. Прибежал Миша с ружьем под мышкой, оценил ситуацию, тут же залег.

Застенов отобрал у него ружье, бахнул три раза наугад, туда, откуда минуту назад взлетели птицы. Бросил ружье, схватился за телефон:

– Охрана? Стена! Врача! – заорал он. – К дому Яблока! Быстро, мать вашу! И команду на тот берег! Да, в заказник! Каждый куст, обшарить! Понятно, мать вашу?!

Алексей подполз к дяде Коле. У того на губах уже пузырилась кровь.

– Х-хороший выстрел... – прохрипел Яблоко. – Хороший выстрел, да, Леха? – он попытался улыбнуться. – А мне х-хана... И х-хорошо... А ты уезжай в Англию, Леха... Понял?... В Англию... Тут... Тебе... – Яблоко передернулся лицом, попытался еще что то сказать, но уже не смог. Рот его так и остался открытым, а зеленые глаза смотрели в синее небо. Последнее, что увидел Яблоко.

Застенов встал на ноги, стряхнул песок.

– Умер, – сказал он совершенно спокойно и передал ружье Мише. – Что он тебе сказал?

– Чтоб я уезжал в Англию, – растерянно произнес Шелехов.

– Почему?

Алексей пожал плечами.

– Он прав, – сухо сказал Стена. Наклонился, достал из кармана убитого связку ключей. – Пошли в дом.

В доме он первым делом прошел в спальню Яблока, задрал ковер. За ковром обнаружился сейф. Застенов отпер его взятыми ключами. Внутри лежали бумаги, драгоценности и пачки долларов в банковской упаковке.

Драгоценности и бумаги Застенов не тронул, а доллары забрал почти все, распихал по карманам.

– Лучшее утешение, когда убивают старого друга, это стать его наследником, – сказал он Алексею и подмигнул. – Тебе не предлагаю, у тебя своих хватает, так?

Шелехов молчал.

– Да не убивайся ты так! – Стена хлопнул его по плечу. – Оно и к лучшему, слово! Ты ж видел, как он мучился! На одном морфии и жил!

В это время в гостиной заработал факс.

– Леха, глянь, чего там, – попросил Застенов, запирая сейф. – Небось, хозяин маляву прислал...

Алексей вышел в гостиную, взял выползшую из аппарата бумажку.

Застенов ошибся: факс был не от Хлебалова. Владыка Никитска и окрестностей виршеплетством не баловался.

Один мудак уже лежит,

А у второго тухлый вид:
Ну что, Стена, приссал, козел?
Врубайся, кто к тебе пришел?
Юматов, сраный прохиндей!
Молись, блядина из блядей!
Мозги на стенку полетят –
И ты, козлиная, – прямо в ад!
За Гарьку Шелеха, урод,
Маслину словишь в лживый рот!

А за тобой придет пора
Мочить и вашего бугра!
Хлебалов, бля, фуфлыжный вор!
Тебе мой, сука, приговор!
Пора, козлы, держать ответ
За всех, кого сейчас с нами нет!

Подпись под стишком была незамысловатая: «Вань-ка-мститель».

Застенов отобрал у Алексея бумажку, прочитал, шевеля губами, пробормотал:

– Ёш твою поперек... – зыркнул исподлобья на Шелехова, спросил: – Ты что-нибудь понимаешь?

Алексей пожал плечами:

– Думаю, это тот, кто стрелял в дядю Колю, – сказал он.

– Нет, ну борзой! – нервно проговорил Застенов. – Всех обосрал! На тихушу Юматова вообще фуффло кинул. Ты только прикинь, Леха: батьку твоего на него вешает! Ты смотри,

Леха, на эту динаму не купишь!

– Веня! – Шелехов даже обиделся.

– Да ладно! – Стена хлопнул его по плечу и добавил с явным облегчением: – Ты, братишка, молоток, я же знаю!

На поясе Застенова заворковал телефон.

– Да, я! – рявкнул Стена в трубку. – Здрасьте, Николай Григорьевич!

– Что у вас там? – раздраженно спросил Хлебалов. – Что с Яблоком?

– Все, – коротко ответил Застенов. – Снайпер с того берега. Насмерть.

– Херово, – буркнул Хлебалов. – Но мертвого не ожи-
вишь. Охрана там сама разберется. Ты бери ноги в руки и
гони в Курган. Там народ бучу поднимает. Вчера гробы при-
везли, ну этих, с маршрута. Народ поминки справил да и
завелся. А Чижик, мутила... Короче, гони в Курган, найди
Юматова, он уже там, делай что хочешь, но бучу погаси!

– А как же... Я же с Алешкой... – проговорил Застенов,
но Хлебалов уже отключился.

– Леха, – сказал Застенов. – Хозяин приказал в Курган
ехать. Там буча. Ты со мной или здесь останешься? А хо-
чешь, я скажу кому-нибудь, чтобы тебя в город отвезли?

– Я с тобой, – решительно заявил Шелехов. – Поехали.

Двое охранников при появлении бригадира тут же вскочили, вытянулись.

«Стараятся, – подумал бригадир. – Молодцы!»

– Как она там? – бригадир кивнул головой в сторону лестницы.

– Ревет, – почтительно сообщил один из охранников.

– Надеюсь, вы ее и пальцем?.. – бригадир сдвинул брови.

Охранники дружно замотали головами.

– Глядите у меня! – строго предупредил бригадир. – Лично бошки поотрываю!

«Вот так. Пусть знают. Кобели молодые. Проглядишь – взлохматят девку. А хозяин мне потом кишку вырвет».

– А почему ревет?

– Да из-за этого... – один из охранников похлопал себя по макушке.

– Ладно, охраняйте! – бригадир вышел из дома, оглядел его снаружи. Вроде все нормально. Два окна на втором этаже, там, где девка, забраны решетками. Решетки поставили неделю назад, потом снимут. Обычный контингент держат внизу, в подвале, именуемом «бункер». Там решетки не нужны, поскольку нет окон. Но эту в бункер хозяин сажать запретил. И почему, спрашивается? Как будто мало там баб держали? Оно и спокойнее, в бункере. Хотя и так спокойно.

Отсюда не сбежишь. Даже если бы и решеток не было. Территория огорожена. Шестеро охранников. А по ночам еще и собачки...

«Что это я? – подумал бригадир. – Это ж девка сопливая, а не боец спецназа!»

И все-таки что-то беспокоило, а предчувствиям бригадир доверял. Но раз беспокоиться о том, что внутри, незачем, значит, опасность может грозить снаружи.

«Глупости! – одернул себя бригадир. – Мы ж на своей земле? Кто на нас наедет?»

Глава вторая

Машина Юматова ждала на въезде, у поста ГАИ.

Ефим Асланович пересел в «мерседес» Застенова, махнул своему водителю: давай за мной.

– Здравствуй, сынок! – он обнял Алешу. – Как учеба, как развлечения, девушки?

Алексей засмеялся:

– Я больше спортом развлекаюсь, дядя Фима. Насчет девушек я не любитель.

– Я тоже не любитель! – маленькие глазки Юматова превратились в совсем крохотные щелочки, а широкая физиономия стала еще шире. – Я тоже не любитель, я профессионал, ха-хаха!

– Ефим, – перебил его Застенов. – Давай по делу!

– Можно и по делу. Где, кстати, Яблоко? Хозяин сказал...

– Нету, – мрачно ответил Стена. – Убили!

– То есть как?!

– А так. Застрелили у нас на глазах. Мишка, не гони, успеем. На-ка, ознакомься! – он достал факс с угрожающим стишком.

Юматов прочел. Щеки у него затряслись.

– Ну сука... – прошипел он. – Ну...

– Остынь, – сказал Стена. – Подумай лучше, кто это может быть?

– Да кто угодно! «Ванька-мститель»! Ты подумай! Алеша, ты это видел?

– Видел, – кивнул Шелехов.

– Вот так, парень! У вас в Англии такого не бывает, верно?

– Да.

Алексею понравилось, что Юматов не стал оправдываться и объяснять, что его оклеветали.

– Ладно, потом, – Ефим Асланович скомкал факс и засунул в карман. – Жалко Колю, но работа есть работа. Будем разбираться сами.

Дворец культуры Курганского металлического отвяляли еще в давние совдеповские времена. Отвяляли с размахом и гегемонистской плечисто-микроцефальной лепниной, зато без снопов и имперских венков, популярных во времена еще более ранние. Так же как и во многих провинциальных городках России, где народу щедро предлагали, как писал классик, «камень вместо хлеба». Справедливости ради надо заметить, что и в застойные времена хлеб в Кургане был. А внутри, на территории оборонного предприятия «Курганский металлический» можно было отовариться и маслом, и мясом, и даже капиталистическими изысками вроде итальянских оливок. А вот разгул демократии мог обернуться для Кургана катастрофой. Но не обернулся, поскольку его тогдашний главный инженер Игорь Алексеевич Шелехов умел мыслить стратегически. То есть чуть дальше поспешного набивания собственного кармана. И оказался достаточно

изворотлив, чтобы последовательно подставить и выпихнуть на пенсию двух своих начальников, которые стратегически мыслить не умели. Шелехова в Кургане уважали и хоронили всем городком, искренне горюя, поскольку без него будущее Курганского металлического представлялось печальным и неопределенным. Но пришел Хлебалов, и будущее определилось.

Перед входом в здание толпился народ. В основном мужики и почти все – под градусом. Остановившийся у парадной лестницы мерс встретили недружелюбно, но без явной враждебности.

– Ну-ка, братва, посторонись! Дай пройти, говорю, не понял, что ли?

Миша, сам курганский, личность в городке известная и авторитетная, решительно распахал толпу. За ним шел низенький толстый Юматов, за Юматовым – Алексей, замыкал Стена, в чью широкую спину упирались взгляды недовольных. Стена не боялся. Он чувствовал: накал страстей еще не достиг того момента, когда в спину могут пальнуть. А пальнуть, учитывая специализацию Курганского металлического, есть из чего.

У входа стояли менты. Больше для парада, чем для дела. Если начнутся беспорядки, их вряд ли тронут, поскольку свои, курганские. Но и польза от них минимальная. Зато внутри, в холле, томились чижииковские «секьюрити». Эти – чужаки. Но реальные бойцы, натасканные. На мордах ту-

пая озабоченность. Если что – драться будут насмерть. Поскольку все равно затопчут. Увидев начальство, поздоровались почтительно.

В колонном зале собралось человек триста. Доверенные представители. С одной стороны. С другой стороны – генеральный директор Металлического Чижик с замами, курганский мэр, начальник милиции, все местные шишки-шавки, расставленные по своим бугоркам лично господином Хлебаловым. Все, включая козырного фраера Селивана, досрочно освобожденного – надзирать за обширным криминальным миром Кургана.

Стена решительно взобрался на сцену. Алексей хотел скромненько сесть под какой-нибудь колонной, но Юматов не дал, увлек за собой на помост.

Застенов решительно отодвинул Чижику, сделавшего попытку представить его народу.

– Ша! – сказал он. – Братва меня знает, если кто не знает, спросит. А теперь слушай меня!

– А на хрена ты нам сдался? – крикнули из зала. – Вали к себе в Никитск, там и звони!

– Точно, – согласился Стена. – Я не ваш, не курганский. И не я должен тут стоять, а Колян Яблоко, токо он уже не может.

– А ты Яблоком не прикрывайся! – гаркнули снизу.

– А я и не прикрываюсь, – мрачно произнес Застенов. – Им теперь никто не прикроется. Застрелили Яблоко. Два ча-

са назад.

– Ну и хули? – вякнул кто-то. – У меня, вон, братана тоже...

Но на крикуна шикнули, и он заткнулся.

– Короче так, братва, – сказал Застенов, – я ваши претензии понимаю, но чё я могу сделать? Продукцию возить надо? Надо! Ежели заказчик ее не получит, значит, бабок не заплатит...

– Точно, – поддакнул Чижик. – Завод уже второй день стоит. Убытки кто оплатит?

По залу прокатился ропот.

Кругленький колобок Юматов выкатился вперед и отобрал у генерального директора микрофон.

– Сядь, – скомандовал он. – И не маячь. Твои убытки нам не интересны.

Это было явным передергиванием, поскольку часть прибылей Металлического, попадавшая в руки Ефима Аслановича, была раз в десять больше доли генерального директора.

– Я вам вот что скажу, господа хорошие, – начал Юматов. – Вы телевизор смотрите? Знаете, наверно, как народ в России живет? Про долги по зарплате, наверно, слышали, про шахтеров голодающих? Слышали? А у вас какой-нибудь токарь третьего разряда три сотни баксов на карман имеет. И не раз в год, а регулярно каждый месяц. А почему? А потому что мы с вами – по-честному! Потому что одни работают, другие покупателя ищут, а третьи этому покупателю про-

дукцию доставляют. А продукция у нас, сами знаете, не масло вологодское. И доверить ее не каждому можно, а можно только вашим, курганским. Почему? Я отвечу! Потому что чужой может ее и на сторону толкнуть. Конкуренту скинуть, бабки в карман – и на Багамы. Или, если конфликт какой, мордой в землю ляжет – пусть забирают. Чужое не жалко! А курганский так не сделает. Потому что не чужое, а свое, кровное. С этих денег его родичи кормятся. Курганский сам гада в землю рожей ткнет и башку ему разнесет, потому что круче курганского ни в Никитске, ни в Каштарске, ни в Красн-
нянске – нигде нету! Правильно я говорю?

Зал одобрительно заворчал.

– Вот! – удовлетворенно сказал Юматов. – За ваши деньги по́том и кровью плачено. Только за своих и кровь пролить можно. Это правильно. А можно неправильно и без толку. Например, как у вас вчера в «Стакане» мужики резались! Без ума, по пьянке, а тоже труп. И трое в больнице.

– А трое – у меня! – зычным голосом вставил начальник милиции.

– Короче так, братва, – вмешался Застенов. – Семьям погибших Хлебалов лично жертвует по пять кусков. Это сверху, к положенной компенсации. Но у него есть просьба: выделить двадцать парней, здоровых, отслуживших – для активной работы. Условия обычные: во время обучения – две-
сти, после – штука. Плюс премиальные. В общем, домой вернутся богатыми людьми.

– Если вернутся! – из середины зала поднялся высокий мужчина лет под сорок с перебитым носом. Кожаная куртка болталась на его плечах, как на вешалке, но сами плечи были внушительной ширины.

Мужчина вышел в проход и остановился, скрестив руки на груди.

– Клим! – рявкнул Чижик. – Опять ты поперек! Кончай киздеть не по делу!

– Ты базар-то фильтруй, начальник! – сурово произнес широкоплечий. – Не с мандавошкой разговариваешь! А говорю я по теме. И братва меня поддерживает, так?

Зал загудел одобрительно.

Алексею этот Клим сразу понравился. Куда больше, чем горластый красномордый Чижик. Шелехов охотно поменял бы их местами, но понимал: он еще слишком зелен, чтобы самостоятельно назначать руководство. И сейчас, и через полгода. Если Хлебалов решил, что Чижик подходит, значит так оно и есть. Николай Григорьевич – человек опытный.

– Да я сейчас на улицу выйду и только кликну: не двадцать – сотня сбежится! – закричал Чижик.

– Сергей Иванович, – произнес в микрофон Юматов. – Ты неправ. Нам не нужны те, кто сбежится, нам нужны те, кого нам рекомендует круг. И ты, Клим, тоже неправ. Времена нынче сложные и страшные. Убивают не только бойцов. Убивают и тех, кто выше. Могут убить и меня, и его, – он кивнул на Застенова. – Как сегодня убили Колю Яблоко, бес-

помощного инвалида, вашего земляка. Убийцу мы, конечно, найдем, я обещаю, но Коля-то мертв! Каждого могут убить. Вспомните Игоря Алексеевича Шелехова. Мы до сих пор не знаем, был ли это несчастный случай или преднамеренное убийство.

– Ага! – крикнул кто-то из зала. – Говорят, вы с Хлебаловым его и мочканули?

Юматов засмеялся.

– Говорить можно всякое, – сказал он. – Но вот здесь стоит его сын, Алексей Шелехов, живой и здоровый. Неужели он был бы здесь, если бы я убил его отца? В общем так: в понедельник из Никитска придет автобус и заберет двадцать человек, которых вы отберете. Это раз. И два: с завтрашнего дня завод должен начать работать, как положено. И никаких беспорядков. Пошумели – и хорош...

Алексей толкнул локтем Мишу.

– Это надолго? – спросил он.

– А кто их знает? – неопределенно ответил телохранитель Стены. – Заскучал? Пошли в буфет, пивка попьем.

В буфете было пустынно, неряшливо и сумрачно. Толстая женщина за стойкой, пьяный, уткнувшийся ряшкой в стол, рыжая кошка на подоконнике. Алексей погладил истертую, со следами порезов клеенку, заменявшую скатерть. Да, это не Англия.

Буфетчица скользнула по ним рассеянным взглядом... и встрепенулась.

– Мишенька!

– Здорово, Гланя. Принеси нам пивка и покушать чего-нибудь, ладно?

– Сейчас-сейчас, Мишенька! Генка! – крикнула она в пространство.

Появился Генка. Мужик лет сорока с опухшей рожей, рыжеватый, лысоватый, брюхастый, напоминающий орангутана из Гамбургского зоопарка.

– Чего? А, Мишка! Как живешь-можешь?

– Прибери тут, – строго сказал Миша, кивнув на спящего.

Орангутан-Генка без видимых усилий подхватил пьяного под мышки, поднял и поволок к задней двери. Пьяный безжизненной куклой волочился по полу.

Буфетчица поставила на стол блюдо с горой бутербродов, деревянный бочонок с пивом.

– Я туда чешского налила, – сообщила она. – Правильно, Мишенька?

– Молодец! – Миша похлопал ее по жирной спине.

Буфетчица зарделась.

Алеша волком набросился на бутерброды. Неудивительно. С самолета ничего не ел.

– Не помешаю?

Шелехов даже вздрогнул: у стола стоял Клим.

– Садись, – кивнул Миша, но радости особой не выразил. – Глаша, кружку. Как там, в зале? Кипиш?

– Да нет, – Клим налил себе пива. – Фимка их почти убол-

тал.

– Значит, сейчас сюда набегут, – недовольно произнес Миша.

– Не набегут. Генеральный команду дал: чтоб водки в буфете не было!

– Неглупо, – кивнул Миша. – Ладно, Клим, короче: чего тебе от меня надо?

– От тебя – ничего.

Клим усмехнулся, не разжимая губ. Кожа на его изрезанном морщинами лице собралась жесткими складками. Алексей подумал: он старше, чем кажется.

– От тебя – ничего. Вот, захотел на шелеховского сынка глянуть поближе. Не против?

– Поглядел? – недовольно спросил Миша.

– Угу.

– И как?

– Похож, – Клим засмеялся, зубы у него были черные.

– Вы были другом моего отца? – спросил Алеша. – Извините, я вас не очень помню...

– Другом? Нет. Куда уж нам, бродягам! – серые глаза в оплетке морщин, не мигая, глядели на Шелехова-младшего. – Но уважал. Так что, паря, если беда какая, – приходи. Помогу.

– Ты, Клим, давай кончай гнать! – сердито перебил Миша. – Без тебя управимся, понял?

– Мишка, Мишка, где твоя улыбка? – Клим поднялся, по-

хлопал его по плечу, протянул Алексею руку. – До свиданья, Алеша.

Ладонь у него была жесткая и шершавая, как наждак.

– Ну, Клим! – Миша покачал головой, проводил взглядом высокую угловатую фигуру, залпом допил пиво. – Ну, волчара!

– А мне понравился! – сказал Алексей. – Он кто?

– Он – сила, – с уважением ответил Миша. – В большом авторитете. Селиван перед ним – на цырлах. Только Клим в стороне. Он такой: меня не трогай и я не трону. Лет двенадцать назад они втроем с Колькой Яблоком и Жекой Бессоновым четверых урлов замочили. Те, правда, сами на них наехали, всемером на троих, но времена тогда были строгие. Клим все на себя взял – и подсел на восемь лет. А Колька с Бессоном, по малолетке, условным отделались. Так я слышал. Бессон, кстати, с батькой твоим в одной школе учились. Ладно, пошли к нашим, а то Стена вонять будет, что я тебя без спросу увел.

* * *

– Медведев на проводе, – почтительно сообщил Хлебалову секретарь. – Очень гневается.

– Гневается, говоришь? – Хлебалов усмехнулся. – Это хорошо. Значит, созрел. – Николай Григорьевич снял трубку. – Слушаю тебя, Руслан Васильевич!

– Ты, Хлебалов, совсем зарвался! – взъерилась трубка. – Ты когда деньги переведешь? Или я не для тебя покупаю? Ты гляди у меня! Если завтра денег не будет, считай – ты уже не в доле, понял, Хлебалов? Тогда весь пакет – мой.

– погоди, Руслан, не кипятись! – примирительно пророкотал Николай Григорьевич. – У нас масштабы не ваши, два миллиона собрать – не сто тысяч. Время требуется. А с чего, кстати, такая спешка?

– С того, что мы не одни на рынке! С того, что Сурьин, стервец, уже клинья подбивает. Представляешь? Я, лично я, все пробил! Все кредиты подготовил – а этот, мать его, на готовенькое! Как тебе, а?

– Несправедливо, – согласился Хлебалов. – А что, бумаги уже подписаны?

– Подписаны! – рявкнул Медведев.

– Ты не нервничай, – произнес Николай Григорьевич. – Береги сердце, ты нам нужен. А деньги я уже приготовил, как раз завтра собирался перевести. Ну раз такая спешка, скомандую банку, чтоб немедленно.

– Скомандуй! – буркнул Медведев. – А то без тебя обойдемся!

– Руслан Васильевич! – укоризненно произнес Хлебалов. – Зачем вы так? Разве я вас когда-нибудь подводил?

– Только попробуй! – рыкнул собеседник и бросил трубку.

– Ну как? – обеспокоенно спросил секретарь.

– Отлично! – Хлебалов довольно улыбнулся. – Свяжись,

Фома, с банком: пусть переводят.

– А не рискованно, Николай Григорьевич? Останемся без свободных средств...

– Ничего. Медведев нынче наглый. А раз наглый, значит, сила есть. Как там Булкин?

– Мечется. Ширгородским ментам плешь проел.

– Не догадывается, что девка его у нас?

– Вроде нет.

– Это хорошо. А то, ишь, козел игривый, жениться надумал! И всю комбинацию мне засрать! Ничего. Пусть бегают. Чем больше бегают, тем меньше о собственной безопасности думает. Через пару дней будем валить. Пусть Юматов организует. А там выдам девку за Лешку – и порядок.

– А не заартачится?

– Кто? Девка? А психологи на что?

– Нет – Алексей.

– Не заартачится, – уверенно ответил Хлебалов. – Я ж тебе сказал: психологи на что? Мне еще полгода назад все просчитали. Давай, Фома, звони в банк. А потом Юматову. Пусть доложит, что в Кургане. А потом начальника угро ко мне вызови. И мэра. Пусть землю хоть до Австралии выроют, а убийцу Яблока мне найдут. Жопой чую, не в Николая – в меня целили! Только с мэром ты, Фома, поделикатней. Он у нас дурак, но обидчивый. Взбрыкнет – менять придется. А это хлопотно.

– Понял, Николай Григорьевич. Разрешите идти?

– Иди, Фома. Действуй.

Глава третья

Первый этаж, как явствовало из таблички, занимал «Информационный центр завода „Металлист“». Квартира генерального директора Чижики – на втором, верхнем, этаже дома, расположенного по соседству с точно таким же особняком, в котором восемь лет назад жили родители Алеши Шелехова. Вон он, виден из окна: металлическая штанга поперек дверей, железные ставни на окнах.

«Законсервирован», как выразился Хлебалов. «Вырастешь, сказал, вскрыешь и будешь жить. Не захочешь жить – продашь».

«Продам», – подумал Алексей.

Дом его пугал. Прошлым. За восемь лет Алеша постарался «забыть» маму, отца... Потому что помнил, как худо было первое время. Как хотелось забиться куда-нибудь в угол и тоже умереть...

«Потерпи, – успокаивал его дядя Фима, после катастрофы забравший мальчика к себе. – Перетерпишь – полегчает».

Так и вышло. Но берeditь старую рану все равно не хотелось.

В дверь постучали. Алеша спрыгнул с подоконника.

– Открыто, – крикнул он.

Двери он не запирает. По школьной привычке – «не положено».

Вошел Миша.

– Стена зовет, – сказал он. – Пошли.

Застенов, Чижик и Юматов сидели на первом этаже, в холле «Информационного центра» перед метровой ширины телевизионным экраном и смотрели «Ширгородские новости». Вице-губернатор вещал о новой экономической программе. Юматов и Чижик обменивались репликами, из которых явствовало: эта программа серьезно подымет уровень жизни вице-губернатора, его непосредственного начальника и еще нескольких приближенных к губернской власти. Вице-губернатор сыпал умными словами: «лизинг», «консалтинг», «секвестирование». Последнее относилось к городскому бюджету, в частности, таким его отраслям, как образование и здравоохранение. Даже не слишком искушенный в русской экономике Шелехов понимал: бодрый тон вице-губернатора никак не соответствует прискорбному для жителей Ширгорода содержанию речи. Правда, Алексей владел английским и знал, что такое секвестирование, а среднестатистический ширгородец – нет.

– Алеша, – сказал Юматов, отвлекшись от телевизора. – Николай Григорьевич просил тебя срочно приехать. Собирайся, хорошо?

– Все мои вещи – в машине дяди Вени, – ответил Шелехов. – Могу поехать прямо сейчас.

– Вот и отлично! – одобрил Юматов. – Сергей Иванович, – он повернулся к Чижик. – Организуй Алеше пару прове-

ренных товарищей в сопровождение и машину.

– Дядя Фима! – возмутился Алексей. – Что я, ребенок? Сам до Никитска не доеду? Только машину дайте.

– Алеша, мне будет спокойнее, если...

– Ефим, брось! – неожиданно встал на сторону Алеша Застенов. – Никто его не обидит. Чижик, у тебя «свободный» ствол есть?

– Что за вопрос! Сейчас будет!

Генеральный директор вышел.

– Машину возмешь мою, – сказал Застенов. – Она проверена. Держи ключи. Там, кстати, телефон встроенный, если что.

Вернулся Чижик, положил на стол пистолет Макарова, кобуру и заверенный бланк разрешения.

– На кого заполнять? – спросил он.

– На него, конечно! – Веня кивнул на Алексея.

– Ему ж восемнадцати нет! – заметил Чижик.

– Не ерунди! Я ему свою машину доверяю, а то – какой-то ствол!

– А может – не надо? – осторожно сказал Алеша.

– Надо, надо! Мы все, считай, на военном положении. Давай, парень, опоясывайся. По дороге не заблудишься?

– Нет.

– Ну и отлично!

Увидев знак поворота, Шелехов сбросил скорость. Ага, а

вот и сам поворот. А вот и сюрприз! За поворотом поперек дороги стояли два джипа. Объехать невозможно: с обеих сторон к асфальту вплотную подступал лес. Молодой лес: густая лиственная поросль, какая обычно отрастает после пожаров.

У джипов паслись четверо автоматчиков и милиционер.

Алексей затормозил, подумал о лежащем в кармане пистолете с не совсем законным разрешением...

«Позвонить дяде Вене? – подумал он. – Или дать задний ход? Несколько секунд – и он уже за поворотом... А почему я должен бежать? – мысленно возмутился он. – Я еду домой, в Никитск и пошли они все...»

Алексей подал машину вправо, остановился впритык к придорожному кустарнику и вылез из машины. Просто чтобы показать себе: я не боюсь.

На автоматчиках была универсальная пятнистая форма. Их сытые наглые морды контрастировали с озабоченной физиономией милиционера, похожего на пожилого хоряка.

– Попрошу документы, – дребезжащим голосом произнес милиционер. – Что везете? Оружие есть? Кто еще в машине?

– погоди, Петя, – пресек его скороговорку один из автоматчиков. – Это ж Стены «мерин». Токо чёй-то я тя не припомню, пацан. Обзовись.

– Шелехов, – ответил Алексей. – Еще вопросы будут?

– Не-а! – квадратная морда автоматчика изобразила улыбку. – А чё без охраны?

– А что, есть проблемы? – сухо спросил Алексей. – Кого

ловите, ребята?

– Ребята в садике в песочек играют, – недовольно буркнул один из автоматчиков.

– Да, – сказал Шелехов. – А ловят триппер, это я уже слышал. Я что, непонятно спросил? – он постарался придать голосу жесткость, скопировав интонацию Застенова.

– Бегунка одного шустрого стережем, – миролюбиво сообщил первый автоматчик. – По пути никто пеший не попался?

– Нет. А что, лесом нельзя пройти?

– Лес другие проверят, – пояснил боец. – С собачками. Наше дело – трасса. Колян, давай освободи проход. Не видишь разве, командир торопится!

Колян, тот, кто обиделся на «ребят», полез в джип и отогнал его назад.

– Если что, меня Дыня зовут, – сказал первый автоматчик.

– Я запомню, – обещал Алексей и пошел к машине.

Миновав заставу, он прибавил скорость. Тяжелый гладкий мерс с шипением пожирал асфальтовую ленту. Встречных не было.

– Молодой человек...

От неожиданности Алексей ударил по тормозам, и его бросило вперед. За спиной пискнули, мерс, взыв шинами, осел на передние колеса и остановился.

Шелехов развернулся...

На него глядели испуганные синие глаза, каждый – размером с кофейное блюдце. Маленькая небрежно стриженная под машинку головка на тонкой шее, слегка оттопыренные уши.

– Ты откуда взялся, чебурашка? – спросил Шелехов.

– Залез, – сказал «чебурашка». – Пока ты там стоял.

– Так это тебя ловят? – с иронией осведомился Алеша.

– Меня, – «чебурашка» сконфузился.

– А почему?

– Ну...

– Не хочешь, не говори, – милостиво разрешил Алексей. – Как тебя зовут?

– Аля... То есть, Алик. Ты меня не высадишь? – парнишка оживился, вытянул цыплячью шейку.

– Нет, – Шелехов хмыкнул, вспомнив бычьи загривки автоматчиков. Надо же! Такая крутизна – на такого... кузнечика.

– Садись сюда, – скомандовал он.

Алик проворно перебрался на переднее сиденье.

– Можно позвонить? – паренек кивнул на телефон.

– Звони, – разрешил Шелехов. – Обращаться умеешь?

– Угу...

Пацан набрал номер, потом другой...

Похоже, безрезультатно. С разочарованным видом он вернул мобильник на место.

– Слушай, а ты меня в город не отвезешь? – деловито

спросил он.

– Я в город и еду, – Алеша плавно тронул машину. – В Никитск.

– Нет, не в Никитск, в Ширгород.

Шелехов присвистнул.

– А что? – удивился Алик. – На такой тачке часа за четыре доедешь.

– Нет! – отрезал Алексей.

– Да ты не беспокойся! Я тебе компенсирую!

Шелехов скептически оглядел попутчика. Выцветшая желтая маечка размера на два больше, чем требуется, турецкие джинсы, физиономия в грязных разводах. Лет двенадцать пацаненку. Или кормили плохо. Компенсирует, значит...

– Я еду в Никитск, – сказал он. – Меня ждут.

– Девушка? – ехидно спросил «чебурашка».

– Опекун.

– А кто у нас опекун? – ехидно поинтересовался пацан.

– Хлебалов. Эй, что с тобой?

«Чебурашка» побледнел и съежился.

«Да он испугался до смерти!» – сообразил Шелехов.

– Останови, я выйду, – дрожащим голосом проговорил парнишка.

– Сиди спокойно.

– Останови! – взвизгнул пацан.

– Ну хорошо, – спокойно ответил Шелехов и остановился.

Незванный попутчик дернул дверцу, но безуспешно – она была заблокирована.

– Выпусти меня немедленно!

Ну надо же! Видел бы он себя со стороны. Этакое криво остриженное недоразумение на тонкой грязной шейке. А тон – как у наследного принца.

– Как скажешь, – усмехнулся Алеша. – Я ведь тебя и не приглашал.

Он разблокировал замок.

– Счастливого пути!

Странный парнишка пулей выскочил из машины и сиганул в лес.

Шелехов пожал плечами, тронулся... и тут сообразил, где находится. Окрестности Никитска он знал очень неплохо. И это место тоже. И еще он знал: там, куда сломя голову устремился «чебурашка», расползлось четырехкилометровой ширины болото, именуемое окрестным населением «Чертова плешь». Причем не шутки ради, а совершенно заслуженно.

Выругавшись, Алексей выдернул ключи, выскочил из машины и побежал за «чебурашкой».

Одно хорошо: в лесу мальчишка был новичок. След за ним оставался, как от трактора. Минуты не прошло, как мелькнула впереди желтая маечка. Еще минута – и Алеша настиг беглеца, выдохшегося, пытящего, как маленький паровозик, ухватил за руку.

Мальчишка рвался изо всех силенок, даже попытался

применить айкидошный прием, но, во-первых, Алексей тоже был кое-чему обучен, во-вторых, – в три раза сильнее.

– Ну-ка не трепыхайся! – скомандовал он, поймав вторую руку «чебурашки». – Послушай меня, а потом беги дальше, если жизнь надоела!

– Ты... чего? – задыхаясь, проговорил мальчишка. Маленькое потное измученное существо.

– Того! Там болото, придурок! «Чертова плешь»!

– Врешь!

Алеша выругался в сердцах, отпустил сопляка.

– Пошли покажу.

И двинулся вперед. «Чебурашка», пыхтя, потрусил следом.

– Стой, – Алексей остановился, заметив на дереве упреждающий затес. – Видишь?

А «чебурашка», проигнорировав команду, пискнул: «Что?» – и пошкандыбал напрямик в самую пакость.

– Стой! – Алеша схватил его за руку. – Гляди, дурачок!

Обломив сухой сук, размахнулся и запустил в центр «полянки».

Чавк!

– Вот так-то! – удовлетворенно произнес Шелехов. – Иди-ка ты лучше по дороге!

Повернулся и двинулся к машине.

Нисколько не удивился, когда услышал, как позади захрустел, зашуршал «чебурашка».

Молча дошли до машины, молча сели («чебурашка» не забыл пристегнуться), молча тронулись.

— К Хлебалову твоему я не поеду, — наконец нарушил молчание Алик.

— Дело твое, — ответил Алексей. — Хочешь, на автовокзал отвезу?

— Хочу.

— А деньги у тебя есть?

— Деньги? — озадаченно проговорил мальчишка. — Нет, денег нету.

— На, — Шелехов протянул полусотенную бумажку. — На дорогу хватит.

— Спасибо! — «Чебурашка» растрогался совершенно не по величине услуги. Даже глаза заблестели. — Спасибо! Я отдам!

— Перестань! — недовольно проворчал Алексей.

И откуда такие берутся... сопливые?

— Чем тебе Хлебалов не угодил? — спросил он, чтобы пресечь поток благодарностей.

— Он... подлый!

— Полегче, — предупредил Шелехов. — Николай Григорьевич, все-таки, мой опекун. И я от него худого не видел.

— А я видел! — запальчиво выкрикнул мальчишка.

— Что именно? — осведомился Алексей.

— Он... Он... — «Чебурашка» зыркнул исподлобья и замолчал.

Шелехов на продолжении не настаивал. Предположение,

что на этого недокормыша мог, даже случайно, упасть взор Хлебалова, казалась смешным. Наслушался дурачок чьих-то наветов!

Нет, конечно, Хлебалов – не овечка. И обиженных им – пруд пруди. Но даже в цивилизованной Англии у могущественного человека всегда полно врагов. Тем более – в России.

«Мерс», урча, проглатывал километры. По обе стороны тек лес. И ни одной встречной. Иногда казалось – машина стоит на месте, а мимо нее текут бесконечные зеленые ленты. Вот что значит хорошая подвеска!

Отсутствие встречных машин объяснилось, когда впереди показался знак «Никитск» и будочка ГАИ.

Дорога была перекрыта. По ту сторону выстроился «хвост» разномастных машин, теряющийся за поворотом.

Алексей сбросил скорость, Спутник его напрягся, даже дышать перестал.

– Не бойся, – сухо сказал Шелехов. – Я тебя в обиду не дам. Обещаю.

Гаишник еще издали замахал палкой, но когда гладкий, как кашалот, «мерседес» поравнялся с ним, вытянулся и отдал честь.

Алексей опустил стекло.

– Что случилось? – спросил он.

– А? – физиономия гаишника слегка перекосилась. Он уставился на Шелехова так, словно увидел зомби.

– Дима! – закричал он. – Иди сюда быстро!

И Шелехову:

– Твои документы!

– Пожалуйста.

– Это что? – гаишник тупо вертел в руках выданные в Великобритании права.

– А где Стена? – наморщив лоб, спросил он.

– В Кургане.

Подошел Дима. Здоровый лоб в камуфляже, с автоматом через плечо, наклонился, увидел сидящих в машине, явно обрадовался. Нехорошо обрадовался.

– А ну вылазь! – скомандовал он. – Вылазьте оба! Живо!

– Перебьешься, – отрезал Алексей. Он не привык, чтобы всякие шестерки им командовали.

– Да ты что, твою мать! Да я тебя...

Алексей, не ответив, набрал номер Хлебалова.

– Николай Григорьевич. Это Алексей Шелехов. Здравствуйте... Да, уже почти приехал, но меня не пускают... С удовольствием! – и передал трубку автоматчику.

– На, пообщайся!

Громила Дима поднес трубку к уху и в течение буквально нескольких секунд цветом уже мог конкурировать с вареным раком.

– Я... Да... Дмитрий Заголякин... Да... Согласно распоряжению... Ну, нашли! Так прямо в машине у этого... Да. Слушаюсь!

Он отдал телефон Алексею.

– Извини, Алеша, – сказал Хлебалов. – Обстановка в городе сложная. Я приказал тебя проводить, чтоб больше недо-разумений не было.

– Спасибо, – поблагодарил Шелехов.

Дима тем временем отобрал у гаишника права, передал Алексею.

– Прошу прощения, – пробубнил он. – Велено сопрово-дить.

– Велено, так садись! – проворчал Шелехов.

– Момент! – Дима пронзительно свистнул. Тотчас рядом с «мерседесом» возникла еще пара громил. Через мгновение все трое уже втиснулись на заднее сиденье.

Алексей тронулся. И увидел в зеркальце, как давешний гаишник убирает ограждение. Через минуту длинная цепь машин пришла в движение.

«Меня они, что ли, ждали?» – подумал Алексей.

На перекрестке он перестроился в правый ряд, чтобы свернуть к автовокзалу, но громила Дима деликатно тронул его плечо:

– Приказано прямо, – вежливо, но решительно сказал он.

Шелехов посмотрел на своего спутника. Алик сидел тихо, как мышка.

«Черт с ними, – подумал Алеша. – Может, так и лучше. Попрошу Николая Григорьевича дать команду, чтобы доставили этого заморыша в Ширгород. А то еще опять влипнет

во что-нибудь».

Шелехов уже не сомневался: «чебурашка» что-то отчебучил. Иначе, как он оказался на дороге в одиночестве, без денег и иных средств к существованию? При том, что внутри навороченного «мерса» мальчишка чувствовал себя совершенно естественно...

Нет уж! За такими – глаз да глаз!

Глава четвертая

Дом, в котором жил и трудился Николай Григорьевич Хлебалов, некогда был построен купцом первой гильдии Дорошенковым. Когда чуткий к политическим переменам купец отбыл из России, дом его пустовал недолго. В нем разместилось Никитское чека. Разместилось основательно – вплоть до пятьдесят восьмого года. Менялись только «вывески» на входе. В пятьдесят восьмом блюстители государственной безопасности переехали в новое здание, а старое передали родственному Управлению культуры. С тех пор хозяева трехэтажного особняка в историческом центре Никитска менялись раз десять и с каждой сменой обитателей здание, твердыней отстоявшее два века, революцию и войны, заметно ветшало. Его уже собирались снести, когда грянула перестройка. Спас творение Дорошенкова Николай Григорьевич Хлебалов. Купив особняк за бесценок, он не пожадничал, нанял турецких мастеровых и уже через полгода имел в активе отреставрированный по дореволюционным картинкам роскошный домик с колоннами и лепниной. На интерьере новый хозяин тоже не экономил, но все-таки кое-что из доработок прежних владельцев оставил. Например, обширные подвальные помещения. И потайные ходы, сработанные в толстых стенах и обнаруженные в ходе реставрационных работ, господин Хлебалов тоже сохранил и даже обустроил

и электрифицировал.

В общем, в таком доме не стыдно было принимать краевого губернатора. Это с одной стороны. А с другой – укрыть от посторонних глаз то (или того), что (кого) этим «глазам» видеть не следует.

При приближении застеновского «мерседеса» к воротам подземного гаража створки их пришли в движение. Система опознала объект. Но система системой, а живой пригляд никогда не бывает лишним. Двое охранников уже спешили к машине, а третий наблюдал за ними через телекамеру, готовый при необходимости заблокировать входы-выходы подземного гаража, превратив его в бетонную мышеловку.

– Свободны, – походя бросил один из охранников «сопровождающим» Алексея. – Оружие есть?

Шелехов протянул пистолет. Он чувствовал себя оскорбленным.

– Ты? – охранник уставился на Алика.

Тот покачал стриженной головой.

Не удовлетворившись ответом, охранник обвел мальчишку металлоискателем.

– Чисто! – сообщил он в пространство.

Тут же заурчал лифт. Раскрылся. Внутри – еще один охранник.

– Входите!

Лифт взлетел на третий этаж, створки разъехались. Гостей встретил сам Николай Григорьевич Хлебалов. Лично.

Этой весной Хлебалову сравнялось пятьдесят, но выглядел он лет на десять моложе. Невысокий, подтянутый, вертикальные скулы, крепкие челюсти, выпуклый лоб, плавно переходящий в загорелую кожу, обтягивающую геометрически правильный череп. Как ни странно, почти полное отсутствие волос не старило Хлебалова, а наоборот, придавало его чертам некую спортивную молоджавость. Светло-серый свободный костюм, расстегнутый пиджак, бриллиантовая заколка вместо галстука, серые остроносые туфли: стиль, который сам Хлебалов называл: «по-домашнему».

– Здравствуй, Алексей! – Хлебалов протянул руку. – Как долетел? Хорошо? А где это ты разжился таким изысканным обществом? – Хлебалов кивнул на спутника Шелехова.

– Это Алик.

– Алик?!

Хлебалов расхохотался, а «чебурашка» покраснел.

– Какой красавчик! – еще больше развеселился Николай Григорьевич. – Просто душечка, правда?

На глазах у «чебурашки» выступили слезы.

– Николай Григорьевич! – укоризненно произнес Алексей. – Не обижайте мальчика!

– Мальчика? – Хлебалов пришел в совершеннейший восторг. – Мальчика!

Губы «чебурашки» задрожали.

– Понимаю тебя, Алеша, – сочувственно произнес Хлебалов. – Вид у твоей спутницы несколько... непрезентабель-

ный. Тем не менее вынужден тебя огорчить: этого «мальчика» зовут Алена Булкина, и мы с ее отцом – давние приятели.

– Это неправда! – дрожащим голосом выкрикнула «чебурашка».

– Придержи язычок! – строго сказал Хлебалов. – Или я сам сниму с тебя штанишки, чтобы Алексей сам увидел, какого ты пола.

«Надо же! – подумал Шелехов. – Бедняжка! Кто же ее так обкромсал?»

Но каким бы ни был внешний вид, то, что она – девушка, в корне меняло дело. Девушек, даже таких юных и замызганных, следует защищать.

– Николай Григорьевич! – Алеша встал между опекуном и «чебурашкой». – Не надо!

– ...Неправда не то, что я девушка, а про моего отца! – из-за спины Шелехова выкрикнула Алена.

– Только не говори, что он тебе – не отец, – усмехнулся Хлебалов.

– Я... Не... – Алена сбилась и замолчала.

– Отец с ног сбил, ее искавши, – сообщил Хлебалов Алексею.

– Меня похитили! – выкрикнула девушка. – Вы! Ваши люди!

– Не болтай! – резко бросил Хлебалов. – Мои люди не похищали тебя, а провели акцию по твоему освобождению. Если бы ты, дурочка, не сбежала... Впрочем, раз ты здесь,

это уже не имеет значения. Скажи спасибо Алеше!

– В таком случае, я хочу поговорить с папой! – потребовала Алена.

– Нет, – отрезал Хлебалов.

– Это почему же?

– Потому что его телефон наверняка прослушивается. Я сам с ним свяжусь, когда буду уверен в том, что это безопасно.

– Но...

– Все! Не спорь. Сейчас тебя отведут к моей домохозяйке, и она приведет тебя в порядок. Выглядишь, как бомжик! Вова, проводи девушку, Алексей, не надо так смотреть, вы увидите с ней за ужином, а сейчас пойдем со мной. Надо поговорить.

В кабинете Хлебалов усадил Алешу в гостевое кресло, сам же встал напротив высокой оконной арки. Свет падал так, что Алексей не мог видеть лица своего опекуна, только силуэт.

– Как тебе в колледже, не обижают?

– Николай Григорьевич!..

– Ну-ну, я только спросил. Денег хватает?

– Вполне, спасибо большое!

– Учиться трудно?

Алексей пожал плечами:

– Нормально.

– А тебе вообще как, нравится в Англии? – помедлив,

спросил Хлебалов.

– Мне там неплохо, – уклончиво ответил Алексей. – Учиться интересно, люди – тоже... Хорошая страна.

– То есть – нравится?

– Нравится. Но жить я предпочитаю здесь, – прямо заявил Шелехов. – А что?

– А то, Алеша... – Хлебалов отошел от окна и уселся в свое кресло. Теперь между ними было метровое пространство стола. – Что через полгода тебе исполнится восемнадцать и, по завещанию твоего отца, тебе придется вступить во владение несколькими крупными предприятиями. В частности Курганским металлическим, на котором ты сегодня побывал. Что ты думаешь по этому поводу?

– Ничего, – честно ответил Алексей. – Я полагал, что у меня есть некоторое время до... До того, как мне придется вступить в права. Что же касается Курганского... Я ведь даже не знаю, что на нем производят.

– Узнаешь, если захочешь, – Хлебалов посмотрел ему в глаза. – Речь идет не о правовых формальностях. Готов ли ты взять на себя такую ответственность, Алексей? Завод – это ведь не только станки и помещения. Это еще и люди. За них тебе тоже придется отвечать, а это непростая задача. И курганцы – народ непростой, как ты мог убедиться.

Хлебалов что-то недоговаривал.

– Насколько я понял, они были возмущены тем, что кого-то из их земляков убили? – осторожно произнес Алексей.

– Да, – подтвердил Николай Григорьевич. – Убили двух охранников, сопровождавших груз. Это, к сожалению, не редкость. Сейчас в России убивают часто. Как правило, из-за денег.

– Или из мести.

– Очень редко. Часто говорят: из мести. Но копнешь – и выяснится, что из-за денег. Тебе уже знакомо это творение...
– Хлебалов протянул Алексею лист бумаги.

Один мудак уже лежит,
А у второго тухлый вид...

– Да, – сказал Алеша. – Я уже видел этот... опус. Он пришел по факсу дяде Коле Яблоку. Когда его уже убили.

– Как ты к этому относишься?

– К смерти дяди Коли? Не знаю, – Алексей пожал плечами. – Мне будет его не хватать, но ведь он очень мучился, да? Может быть, он сам предпочел бы именно такой выход... Неужели его тоже убили из-за денег? Не думаю, что у него были деньги, из-за которых убивают...

Алексей вспомнил, как Веня Застенов выгребал пачки купюр из сейфа дяди Коли. Нет, не мог же это быть человек Вени! Такое просто невозможно!

– Убьют у нас в России за десятку, – сказал Хлебалов. – Конечно, не из снайперской винтовки. Да, ты прав, особо больших денег у Николая не было. И наследников тоже. Все

его имущество: дом, акции – сейчас отойдет ко мне... Но ведь я же сам и дал все это Николаю. Я бы и больше дал, только ему не надо было. Я ведь ему жизнью обязан, Леша, ты знаешь.

– Да, знаю, – кивнул Алексей. – Значит, не из-за денег...

– Не из-за *его* денег, – с нажимом произнес Хлебалов. – Николая могли убить из-за моих денег. Или твоих... Что он сказал тебе перед смертью?

– Ничего особенного, – Алеша пожал плечами. – Сказал: «Хороший выстрел». И еще... посоветовал мне уехать в Англию.

– Это все?

– Вроде. Я не очень-то запомнил, я... немного нервничал.

– Неудивительно, – сухо произнес Хлебалов. – Коля любил тебя. И он дал тебе совет. Ты ему последуешь? Или решишь остаться? Я должен это знать. Я – твой опекун и если ты решишь вступать в права наследования, то я должен все подготовить и полностью ввести тебя в курс дела. Твое наследство велико, Алексей, и его передача – процесс длительный и очень серьезный. Но... – Хлебалов сделал паузу. – Если ты решишь продолжить образование, то с передачей можно повременить. Я готов еще некоторое время управлять твоим имуществом наравне со своим собственным. Я хочу, чтобы сын Игоря Шелехова оказался достойным преемником отца и не растерял то, что он собрал. Да и своего труда, Алеша, мне тоже жалко. Все-таки я за те годы, что управлял

твоим наследством, тоже немало вложил в него. Только не подумай, что я претендую на какую-то его долю! Я достаточно богат, как ты знаешь. Но я привык ценить свой труд.

Хлебалов сплел пальцы и пристально посмотрел на Шелехова.

Алеша молчал.

– Я понимаю, – мягко произнес Хлебалов. – Тебе надо подумать, дело серьезное. Торопить тебя не буду, ну, скажем, неделя...

– Я могу ответить сразу, – сказал Алексей. – Я предпочел бы продолжить образование, Николай Григорьевич. Но еще не окончательно решил, где именно.

– На Англии свет клином не сошелся, – заметил Хлебалов. Он расцепил руки и положил их ладонями на стол. – Это может быть Франция. Или Америка. Ты можешь позволить себе *любое* образование.

– Да нет, Англия меня устраивает, – ответил Алеша.

– А что бы ты хотел изучать?

– Программирование, управление, международное право.

– Право, – сказал Хлебалов. – И управление. Программирование будешь изучать частным порядком. Наймешь преподавателя.

– Да, – кивнул Шелехов. – До сих пор я так и делал.

– А почему я не знал? Это дорого?

– В сравнении с Мелиссой (так звали верховую лошадь Шелехова) – пустяки! – Алексей улыбнулся. – Я не думал,

что вам это будет интересно.

– Мне интересно все, что касается тебя, Алеша. Поскольку я отвечаю за тебя. И буду отвечать даже когда тебе исполнится восемнадцать. Ты мне небезразличен, Алеша!

– Спасибо, Николай Григорьевич! Значит, я могу и дальше рассчитывать на вашу помощь?

– Конечно! Мы с твоим отцом были друзьями. Не сомневаюсь, что он сделал бы то же и для моего сына. Но у меня, Алеша, нет сыновей. Кроме тебя.

– Спасибо! – Алексей был растроган. Но не настолько, чтобы назвать Хлебалова отцом. Он чувствовал дистанцию.

Возникло непродолжительное молчание.

– Николай Григорьевич, – прервал его Алексей. – А что делать с этим? – он положил на стол листок с угрожающим стихотворением.

– Искать, – жестко произнес Хлебалов. – Стишки дрянные, но тот, кто их писал, доказал, что он может быть опасен. И тебя это тоже касается, поскольку он обвиняет Ефима Аслановича в смерти твоего отца.

– Я не верю! – перебил Алексей.

– Разумеется. Но ты должен знать: Юматова уже обвиняли в этом. Потому что твой отец ехал на встречу с ним, когда произошло несчастье.

– Мне об этом ничего не известно, – насторожился Шелехов. – А что...

– Ничего! – отрезал Хлебалов. – Думаю, ты достаточно

взрослый, чтобы более подробно узнать о том, как погибли твои родители. Я распоряжусь, чтобы тебе предоставили копию дела. Поучись разбираться в следственных документах, раз уж решил стать юристом.

– Да, спасибо. Конечно, я хочу об этом знать, – у Алексея дрогнул голос.

– Пора, Алеша, пора тебе узнать об этой трагедии, – наставительно произнес Хлебалов. – Ты должен знать все. И, главное, помнить, каким человеком был твой отец!

– Я помню, – негромко произнес Алексей. – И никогда не забывал.

– Хорошо, – Хлебалов встал и снова подошел к окну. – Какие у тебя планы на каникулы? Хочешь куда-нибудь поехать? Покупаться в океане?

– Можно я поживу здесь?

– Разумеется. Мой дом – твой дом, Алеша.

– Если можно, я бы хотел пожить в Кургане. В доме отца. Можно?

– Нет! – резко ответил Хлебалов. Но тут же смягчил тон: – Пока нет. Дом надо привести в порядок, Алеша. Я дам команду, но на это потребуется время, скажем, недели две, устраивает?

– Конечно. Спасибо, Николай Григорьевич.

– Пожалуйста.

– Николай Григорьевич, а когда Застенов вернется из Кургана?

– Завтра. Но ты не очень на него рассчитывай. Он – занятой человек, ему некогда тебя развлекать. Я дам тебе сопровождающего, чтобы помог тебе сориентироваться. Но если что-то потребуется, обращайся к Фоме. Или прямо ко мне, не стесняйся.

– Спасибо.

– Но у меня, Алеша, будет к тебе одна просьба...

– Да, Николай Григорьевич?

– Присмотри за нашей гостьей, Аленой. Девочке досталось. Постарайся ее утешить: кажется, она тебе доверяет. Вы с ней – ровесники. Позаботься о ней, развлеки. Только имей в виду: из дома ни на шаг. Те, кто ее похитил, болтаются поблизости. Мне неприятно это говорить, но, боюсь, затевается что-то нехорошее, причем не в Ширгороде, а у нас в Никитске. Такие дела, Алеша, – Хлебалов обошел вокруг стола, встал рядом с Шелеховым, положил ему руку на плечо:

– Еще вчера я думал, что Никитск – это город, где мне удалось навести порядок. Сегодня я понял, что ошибся. Жизнь Николая – цена моей ошибки. Но больше их быть не должно. Я позабочусь об этом и, надеюсь, ты мне поможешь.

– Конечно, Николай Григорьевич! – Алеша с детских лет восхищался Хлебаловым. И немного побаивался его. Даже сейчас, когда стал на полголовы выше своего опекуна. Юматов, Веня, дядя Коля... Все они есть... Всегда были настоящими мужчинами.

И все они служили Хлебалову, были по-настоящему пре-

данны ему... И тоже, Алеша не раз замечал, немного побаивались своего шефа. И такой неординарный человек – его опекун.

– Конечно, я помогу! – с энтузиазмом произнес Алеша. – Все, что я могу, можете не сомневаться!

Глава пятая

За двести восемьдесят километров от бывшего дома купца Дорошенкова, на одной из улиц миллионного города Ширгорода встретились два человека. Вернее, не встретились, а пересеклись, поскольку не обменялись ни единым словом. Правда, один из них чуть заметно кивнул другому. Минутой позже тот, кому кивнули, подошел к телефону-автомату, набрал номер и, не дожидаясь ответа, повесил трубку. Затем повторил то же ровно через сорок секунд. И еще раз. Строго по секундомеру. Затем вышел из телефонной будки и сел на трамвай. Еще через тридцать минут в здание Ширгородского ГУВД, предъявив пропуск установленного образца, вошел средних лет мужчина в коричневом костюме производства местной текстильной фабрики. Человек вошел в приемную замначальника ГУВД.

– У себя? – спросил он у секретарши.

– Да, но у него люди, – не поднимая головы, ответила та.

– Я подожду, – сказал человек и уселся на стул.

Минут через пятнадцать из кабинета замначальника вышли трое: респектабельный мужчина с расстроенным лицом и два его телохранителя.

Человек в сером костюме встал и шагнул им навстречу, держа правую руку в кармане. Телохранители тут же привычно заслонили своего патрона, но человек в сером костю-

ме вынул руку из кармана, безразлично обогнул их и вошел в кабинет. Телохранители расслабились. Они не знали, что в боковом кармане серого пиджака лежал прибор размером чуть меньше спичечного коробка, с одной-единственной кнопкой.

Густой поток машин катился через площадь. Стоянка перед зданием ГУВД была разрешена только для служебных машин. И водитель «мерседеса», принадлежавшего человеку с расстроенным лицом, припарковался метрах в двадцати от входа. Увидев появившихся в дверях телохранителей, шофер немедленно тронулся с места, в то время как двое телохранителей, настоящие профессионалы, «фильтровали» площадь, отслеживая все подозрительное, например, машину, тронувшуюся одновременно с «мерседесом». «Мерседес» поравнялся с подъездом. Патрон вышел на крыльцо (оба бодигарда тут же прикрыли его слева и справа), шофер распахнул бронированную дверцу...

В этот момент серая «хонда», неспешно ехавшая в общем потоке в правом ряду, поравнялась со зданием ГУВД, миновала его... Правая задняя дверца «хонды» распахнулась. Автоматная очередь перечеркнула телохранителя, швырнув его на клиента, а того – на второго бодигарда. Этот попытался втолкнуть своего хозяина под защиту дверцы «мерседеса», но не успел, потому что пуля продырявила ему череп. «Хонда» притормозила на пару секунд, пока автомат изрыгал оставшиеся в магазине пули, затем резко рванулась вле-

ред и свернула направо, на улицу Кирова. Там ее и нашли через четверть часа. Брошенную, разумеется. Один из телохранителей остался в живых – спасли титановые пластины бронежилета. Шофер не пострадал совсем. Зато второй телохранитель и охраняемая персона скончались практически мгновенно.

Спустя полчаса телевизионный канал «Ширгород РТ» сообщил, что прямо у дверей «цитадели Закона» убит генеральный директор объединения «Речтранспорт» и председатель Совета директоров Ширгородского Речбанка Сергей Савельевич Булкин.

Недоверие Алены Булкиной к Хлебалову опиралось на две вещи. Первое: папины высказывания о том, что на него наехал никитский «князек»; второе: упоминание имени Николая Григорьевича в разговоре между ее похитителями. Последнее, впрочем, Хлебалов с легкостью объяснил, как сделанное специально, чтобы «повесить» на него похищение. Сам он за ужином громогласно заявил, что это его люди напали на похитителей и непременно освободили бы Алену, если бы она по глупости не сбежала.

– Кстати, как тебе удалось? – поинтересовался Алеша Шелехов.

Нынешняя девушка Алена разительно отличалась от нескладного мальчишки, забравшегося к нему в машину. Правда, закрытое платье из синего бархата было ей великовато, но светлый парик, прикрывший стриженую голову, со-

вершенно ее преобразил. Хилый пацаненок превратился в хрупкого большеглазого эльфа. Алеша мог только удивляться, почему сразу не распознал в ней девушку.

– Сквозь решетку пролезла, – ответила Алена на вопрос Алексея. – Она фигурная, внизу дырка побольше. Я ее еще раньше заметила, но не убегала, потому что собаки. А когда стрелять начали, первыми собак убили.

– Верно, – снисходительно кивнул Хлебалов. – А как ты определила?

– По визгу, – высокомерно ответила Алена.

Историю ее побега хозяин дома и его подопечный слушали по-разному. Хлебалов – скептически, Алеша – с явным одобрением.

Алексей Шелехов чем дальше, тем больше нравился девушке. Не столько внешне... Внешне как раз – ничего особенного. Парень как парень, высокий, правда, спортивный, но таких вокруг Аленки всегда было много. Держался он как-то по-особенному. С достоинством. Наверное, их там, в Англии, всех на лордов готовят...

– Николай Григорьевич, – сказала Алена. – Вы обещали позвонить моему отцу.

– Да, я помню, – кивнул Хлебалов. – К сожалению, моим служащим пока не удалось с ним связаться... Но, – добавил он, – если ты настаиваешь, я могу просто позвонить ему на мобильник. Но предупреждаю: такой разговор будет подслу-

шан. Звонить?

Алена энергично кивнула.

Хлебалов сделал знак, чтобы ему принесли телефон.

– А можно я сама? – попросила Алена.

– Да, пожалуйста! – Хлебалов протянул ей крохотную трубку и сделал знак, чтобы убирали тарелки. – Как вы отнеситесь к мороженому? – спросил он.

Алексей и Алена дружно покачали головой.

– Тогда фрукты. Для коньяка вы еще молоды. А то еще твой, Алена, отец обвинит меня в спаивании дочери. Ну что? Не отвечает?

Алена покачала головой.

– Я сейчас ему в офис позвоню, – сказала она.

– Давай-ка лучше я, – Хлебалов решительно отобрал у нее трубку. – С офисом и мои люди могут связаться.

– Алё, Егорыч! Хлебалов. Булкина нашел, нет? Что-о?!!

– Что? – встревожилась Алена.

Хлебалов положил трубку на стол, молча.

– Николай Григорьевич! Что случилось? – повысив голос, проговорила девушка.

– Беда, – медленно произнес Хлебалов. – Большая беда... Твой отец... Убит.

На несколько секунд Алена застыла, слепо глядя перед собой, потом вскочила, опрокинув стул и бросилась вон из столовой.

– За ней! – быстро сказал Хлебалов, и Алексей поспешил

за девушкой.

– Я знала, знала! – светлый парик валялся на полу, стриженная головенка уткнулась Алеше в грудь. – Я так и знала! Сначала мама, потом он...

– Твою маму... убили? – Алеша гладил ее по худенькой, все позвонки наружу, спине. – Да?

– Грузовик, – Алена всхлипнула, ее пальцы скомкали рубашку на спине Алеша. – Врезался в ее машину...

Она снова заплакала, почти беззвучно. Маленький, вздрагивающий, очень-очень несчастный зверек...

– Давно? – спросил Алексей. Интуитивно он чувствовал: надо, чтобы она говорила. Так будет легче.

– Осенью.

– А какой грузовик?

– «Вольво». Такой, междугородний... Трак. Алеша, Алеша, что же теперь? Как же... – она подняла к нему зареванное лицо. – Как же я теперь? Как мне плохо, Алеша!

– Знаешь, – сказал он осторожно. – Мои родители тоже погибли. И тоже грузовик. Фура.

– Ой! – она даже плакать перестала. – Когда?

– Давно уже. Восемь лет назад.

– И как же ты?..

– Живу, как видишь.

Алексей погладил ее по стриженной головке, Алена схватила его руку, прижалась к ладони горячей щекой.

– Алеша! – прошептала она. – Я никому не верю, только тебе. Не уходи, ладно?

– Не уйду, – он улыбнулся ласково. – Ты поплачь, легче будет.

– Нет. Не легче. Господи, за что же меня так? Алеша, расскажи мне что-нибудь...

– Что тебе рассказать?

– Про Англию, про себя расскажи... Все равно.

– Ну, конечно.

Примерно через полчаса в комнату постучали. Секретарь Хлебалова. На блюде – стакан с водой и две таблетки.

– Это что? – спросил Алексей.

– Успокоительное.

– Спасибо, Фома.

– Что-нибудь нужно еще?

– Пока ничего, – Шелехов взял стакан. – На, Аленушка, выпей.

Через полчаса девушка уснула. Свернулась на краешке огромной кровати, положив голову на Алешино колено. Вздрагивала во сне.

Алексей сидел неподвижно, чтобы ее не потревожить. За окнами было совсем темно. Три часа ночи.

«Сначала мать, потом отец, – думал он. – Бедная девочка. И тоже история с грузовиком. Нет, в этом надо разобраться. Или не стоит?»

Благополучная Англия, шумная беспорядочная Москва,

кровавое пятно на груди Николая Яблокова, «дяди Коли», Курган, Никитск, Алена... Слишком много для одного дня.

Алексей очень осторожно снял голову Алены с колена, передвинул девушку ближе к стене, сам лег рядом и мгновенно уснул.

Глава шестая

Николай Григорьевич Хлебалов был в бешенстве.

– Ты же говорил: все схвачено! – прорычал он в трубку. –

Только деньги – и все!

– Говорил, – согласился Медведев. – Кто ж знал, что эти суки из Центробанка нас так кинут? Москва, она и есть Москва. Кто же знал?

– Ты, Руслан! Ты должен был знать! Из-за тебя я в полной жопе, понял?

– Ладно, Николай, не кипятись. Я тоже потерял. Причем больше тебя. Не ссы, Коля! Мы еще поборемся! У меня в Москве тоже не последние люди на подсосе сидят. Разморозим!

– Когда, твою мать?

– Ну... не сразу.

– Вот! А мне через две недели кредит Филину возвращать!

– Ну и хрен с ним! Стрелять он тебя не будет. Ты ж в своем Никитске, как в крепости.

– Стрелять не будет, а кислород перекроет. Мне товар через его территорию возить, понял?

– Ты меня на «понял» не бери! – неожиданно взъярился Медведев. – Хочешь отвалить – отваливай! Денег без меня ты все равно не получишь!

Хлебалов промолчал. Только зубами скрипнул.

– Ладно, – буркнул его собеседник. – Погорячились и хорош. Ты, Николай Григорьевич, решай сам, но мой тебе совет: держись за меня. Сурьин тебя не любит. А деньги нужны, так я тебе займу. Под стандартный процент, конечно. Думай!

И отключился.

Хлебалов выругался. «Стандарт» Медведева составлял двадцать пять процентов в месяц. Это даже не грабеж – разбой. Что же делать? Ну да, у себя в Никитске он – «князь». Но дальше – хрен! Москва, Москва... Черт! Как ему нужны прямые связи! Но между ним и Москвой – все эти кабаны ширгородские: Медведев, Сурьин... «Герцоги» хреновы! Твари хитрожопые! Друг другу глотку вырвать готовы, но, стоит кому со стороны сунуться, – сразу по башке. Всё – на посулах, обещаниях. Хлебалов нужен. Хлебалов – фигура. На ширгородском уровне. Пока – на ширгородском. Рано или поздно, но он прорвется. Но хочется не «поздно». Хочется – сейчас! Такие перспективы... Черт! Надо срочно решать с наличкой. Филин, бля, конкретно обидеться может. Может, и пацанов позавчера покروшили с его подачи? Нет, вряд ли. Филин – крутой, но не отморозок. Свою выгоду понимать должен. Но бабки надо отдать...

Николай Григорьевич откинулся на спинку кресла, потер ладонями гладкий череп и стал думать. Результатом его раздумий были два письма, которые, не доверяя никому, он составил собственноручно, упаковал и положил в секрет-

ное отделение стола. Такие документы следует отправлять не почтой, а курьером. Специальным курьером.

Веня Застенов стоял, можно сказать, навтыжку перед шефом и докладывал:

– Напавших было до десяти стволов. Били из СВД, «калашей» и «мухи». Использовали гранаты. Стену сломали, предположительно, кумулятивными фугасами сразу в трех местах. Но атаковали только через одну брешь. Охрану положили всю, причем на двоих – следы пыток...

– Что они могли сказать? – перебил Хлебалов.

– Ничего, – успокоил Веня. – Обычные стрелки. Зуб даю, пытали их насчет девки!

– Допустим, – хмуро произнес Хлебалов. – Продолжай.

– Дом обшмонали, унесли всю жрачку, оружие. Закидали в два джипа, наших, кстати, и увезли. По грунтовке мы их отследили, а на шоссе, понятное дело, уже нет. Гаишники их не отметили. Потери противника неизвестны. Чужих трупов нет.

– Выходит, восемь наших против их «неизвестно»! – желчно констатировал Хлебалов. – Облажались по полной!

– Было бы хуже, если бы им досталась девка! – резонно возразил Застенов. – Не расстраивайтесь, Николай Григорьевич, там были не лучшие наши стрелки. Мы ж думали: надо просто девку постеречь – и все дела.

– Думали! – мрачно буркнул Хлебалов. – Думали, бя!

Что, я все должен предусмотреть? Сами – ни хрена! По Яблоку что выяснили?

– Ничего, – огорченно ответил Застенов. – Опера нашли лежку снайпера, просчитали, что он весит килограммов семьдесят-девять, обувь сорок четвертого размера. Больше ничего. Винтовку он забрал с собой. Будут искать, только... Хрен найдут, так я думаю.

– Ментам я уже дал взъебку, – сказал Хлебалов. – Пообещал: не найдут убийцу – сниму с дотации.

– Они ж разбегутся! – удивился Стена. – Опера говорит: им государство по две с половиной деревянными платит. Курам на смех!

– Вот пусть на государство и бездельничают. А на меня пахать надо! – разъярился Хлебалов. – Жирновник, собака! Я его полковником сделал, дом подарил, ублюдков его безмозглых в университет устроил! Не найдет мне снайпера – выкину к херам на пенсию! Все, вопрос закрыт!

– А что по поводу нападения? – спросил Застенов. – Тоже пускай менты роют или сами?

– Сами! – отрезал Хлебалов. – Перестрелка, восемь трупов – это на организованную преступность тянет. Поэтому из сводок все вычеркнуть, а всех, кого ты привлекал, строго предупредить, чтоб пасти на замке держали. У меня в городе – никаких банд и мафий. А все остальное – по средне-российским показателям. Теперь вот что: найди мне курьера. Надежного, как швейцарский банк. Надо доставить два

письма. Одно – в Ширгород, Сурьину. Второе – в Железноводск, Филину.

– Какая охрана?

– Сколько сочтешь нужным. А Фоме скажи, сколько билетов из Ширгорода в Железноводск заказывать. Вопросы есть?

– Да. Николай Григорьевич, – Застенов замялся. При его могучей комплекции это выглядело даже забавно. – Николай Григорьич, хочу вот спросить... Что вы насчет Алеши решили?

Хлебалов усмехнулся:

– Пока ничего, не бойся.

– Я не боюсь, Николай Григорьевич, но не хотелось бы... В общем... Ну чем вам может быть опасен мальчишка?

– Пока он у меня в доме – ничем, – согласился Хлебалов. – Ты, Веня, не нервничай. Я найду, как его использовать.

– С дочкой Булкина? – оживился Застенов.

– Нет, – отрезал Хлебалов. – Ситуация изменилась. На нее у меня теперь другие планы. А с Алешей твоим определимся, не беспокойся. Мне он тоже по душе. Да и прав ты: пацан он еще.

– Вот и мне думается, Николай Григорьевич, в наши дела его посвящать не стоит. Он мальчик правильный, но может не понять, – рассудительно произнес Стена.

– Ты, Веня, думай о том, что тебе говорю я! – внезапно рассердился Хлебалов. – Иди, подбери мне курьера.

Папка, принесенная Алексею, оказалась на удивление толстой и содержала множество справок, протоколов, копий запросов, предписаний... и относительно мало конкретной информации. Было установлено, что «БМВ», в которой ехали родители Алеши, столкнулась с выскочившим на встречную полосу тяжелым грузовиком-фурой. Грузовик принадлежал украинской транспортной фирме, специализировавшейся на перевозке свежих фруктов, коими фура и была загружена. Водитель и пассажиры «БМВ» погибли. Водитель фуры, ранее судимый Цупиков Станислав Петрович, скрылся. Подан в розыск. Установлено: пассажиры «БМВ» Шелехов Игорь Алексеевич и его жена, Шелехова Светлана Даниловна, ехали в Никитск, на встречу с Юматовым Ефимом Аслановичем. Последний, как стало известно из показаний секретарши Шелехова, особенно настаивал на приезде Светланы Шелеховой и срочности ее приезда, что секретаршу несколько удивило. Сам Юматов показал, что, действительно, пригласил Шелеховых, и объяснил это тем, что нашел серьезных спонсоров для Фонда «Образование», который возглавляла Шелехова, директор Курганской средней школы номер один. До этого времени Фонд финансировался главным образом из прибылей Курганского металлического. Юматов собирался сделать Шелеховой сюрприз. Проверка показала: спонсоры, действительно, существовали и были готовы помочь Фонду. Правда, суммами не такими уж зна-

чительными. В общем, круг подозреваемых свелся к одному человеку, сбежавшему Цупикову. Постановлением следователя прокуратуры города Никитска дело было приостановлено до тех пор, пока подозреваемый не будет найден. До настоящего времени Цупикова так и не нашли.

В общем, все было просто и ясно, кроме одного. Алексей очень хорошо помнил участок дороги, где произошло столкновение. Не далее как вчера по нему проезжал. Трасса там лежала прямо, как стрела, и была достаточно широка. Оставалось загадкой, почему фура внезапно выскочила на встречную полосу. Внезапно, потому что водитель Шелехова, в прошлом неплохой раллист, даже не сделал попытки уклониться от столкновения.

– Посмотрел? – равнодушно спросил секретарь Хлебалова, взяв у Алеши дело. – Хорошо.

– Фома, – сказал Алексей. – Скажи, где я могу найти Алену. Я заходил к ней в комнату, но ее там нет.

– Нет, – согласился секретарь. – Она уехала.

– Как уехала? Куда?

– Думаю, Алеша, вам это знать не обязательно.

– Николай Григорьевич поручил мне приглядывать за ней, – возразил Шелехов.

– В этом больше нет необходимости.

– Куда ее увезли, Фома? – Алексей начал сердиться. – Я хочу знать!

– Это ни к чему.

– Хорошо. Николай Григорьевич у себя?

– Николай Григорьевич уехал.

– И когда он вернется?

– Не скоро.

– Фома! – Алексей наклонился через стол, отодвинул в сторону бумаги, в которые уткнулся секретарь. – Фома, где девушка?

Фома поднял на Шелехова тусклые, ничего не выражающие глаза. Алеша с удивлением обнаружил, что ресницы у хлебаловского секретаря накрашены.

– Вы никогда больше ее не увидите, Алеша, – сказал Фома. – Так что забудьте о ней и не мешайте мне работать, не то я вызову охрану.

– Зови! – покраснев от ярости, крикнул Алексей. – Посмотрим...

Он не успел договорить, как чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо. Шелехов стремительно обернулся...

– Спокойно, – сказал Застенов. – Спокойно, парень. Оставь в покое бедного Фому и пойдем. Нам надо поговорить.

* * *

Замаскированная свежими ветками охотничья избушка пряталась в тени трех лохматых сосен. Ее дощатая дверь, об-

тянутая изнутри зеленой капроновой сеткой, была распахнута. Прямо на пороге, подложив под голову мускулистые руки, лицом вниз спал человек. С десятков комаров трапезничали, расположившись на его короткой шее, плавно переходившей в бритый затылок. Спящего не беспокоили ни птицы, ни гудение примуса, на котором стоял котелок с водой, ни ритмичные звуки входящего в дерево клинка: приятель спящего развлекался метанием ножей. Чуть поодаль от избушки, аккуратно между соснами, стоял темно-синий «митцубиси-паджеро», прикрытый армейской маскировочной сеткой и хвойными лапами.

– Ты меня не любишь, не жалеешь, – напевал метатель ножей.

Вернее, это звучало так:

– Ты... Хряп!.. Меня не любишь... Хряп!.. Не жалеешь... Хряп! Может... Хряп! ...Я немного некрасив... – Десятисекундная пауза на извлечение ножей.

Не следует думать, что метатель портил деревья. Мишенью ему служила привязанная к стволу доска с нарисованным силуэтом человека.

Вода закипела, и метатель прервался, чтобы засыпать в котелок быстрорастворимый суп.

Спящий, которого не могли разбудить шумы, тут же проснулся, сел и потянул носом.

– Жрать, Ленечка? – спросил он с надеждой.

– Ну, – последовал лаконичный ответ.

Проснувшийся потер ладонями лицо.

– Эх-эх, – сказал он. – Приятная новость в скверные времена. Где мои детские мечты?

– Не тренди, – буркнул метатель и негромко свистнул.

Сверху упала веревка. Через секунду по ней соскользнул вниз третий, в камуфляже, с винтовкой на спине. Винтовку он тут же снял, бережно прислонил к стволу.

Тот, кто проснулся, тем временем «накрывал на стол».

– Кем я только не был, – приговаривал он. – Десантурой, бандитом, моряком, даже, ты не поверишь, Ленечка, правой рукой одного гуру. Но никогда, никогда я не жрал так скудно, как нынче. Ты согласен, Сивый?

– Дурак ты, Монах, – сказал Сивый. – Ленечка, у нас хлеба больше нет.

– К макаронам хлеб не нужен, – отрезал «кулинар», раскладывая по мискам варево.

Трое, присев на корточки, молча принялись за еду. Внешне, если не считать недельной щетины, они имели мало общего. Монах – здоровый, широкомордый, жирноватый, похожий на типичного «нового русского», только слегка помятого бурной жизнью. Сивый – подтянутый, невысокий, короткие волосы «перец с солью». Ленечка – тощий, некрасивый, с выдвинутой вперед узкой костлявой челюстью. Но в их позах, движениях, манере есть прослеживалось нечто сходное.

На поясе у Ленечки запищала рация. Не переставая есть

(миска с макаронами непонятно как удерживалась на его остром колене), Ленечка включил прибор.

– Дичь, орлы! – бодро сказала рация. – Черная вольва из барской конюшни. Так что ноги в руки – и наперехват.

– Где она сейчас? – невнятно, жуя, спросил Ленечка.

– Двенадцатый километр. Держит за сто.

– Понял тебя, Бессон! – Ленечка отключил рацию. – Харе жрать, мужики! Поступила команда: «К бою!»

Сивый аккуратно поставил миску, встал и подошел к винтовке. Монах поспешно запихнул в пасть остатки макарон и вслед за Ленечкой, старшим, бросился в хижину. Выскочили оба уже в брониках, зеленых армейских касках, с автоматами наперевес.

– Марш! – скомандовал Ленечка, и тройка устремилась к шоссе. Тучный Монах не отставал от своих поджарых приятелей.

На холме, прямо над знаком «сужение дороги» рос старый вяз. Сивый метнул крюк. Железка ушла вверх, унося за собой веревочный «хвост». Через несколько секунд Сивый уже вскарабкался, вернее «взбежал» по стволу и скрылся в густой кроне. Снизу, если встать вплотную к стволу, его еще можно было разглядеть, но с дороги – никогда.

По знаку старшего Монах перебежал через дорогу и прилег за сизым от мха валуном, а сам Ленечка устроился в сухой, густо заросшей бурьяном придорожной канаве. Все три

позиции были выбраны заранее и проверены с необычайной тщательностью людьми опытными и понимающими, во что обойдется ошибка.

Прошло минут десять. Время от времени раздавался рев мотора, очередная машина взлетала по дороге вверх, переваливала через высшую точку, скатывалась вниз и уносилась дальше, к Ширгороду.

Над головой Ленечки раздался негромкий свист. Еще через минуту на пригорок вылетела облизанная вольва с тонированными стеклами.

Два выстрела с треском разорвали воздух. Вольву «повело», закрутило. Задние, простреленные, колеса угодили в канаву, машина тут же завалилась (слышно было, как внутри «выстрелили» «подушки»), перевернулась разок, зафиксировалась в положении «на боку» и заглохла. Наступила тишина. Ленечка и Монах остались на своих позициях: удар был не настолько силен, чтобы содержимое вольвы превратилось в бесформенную массу. Тем более оба знали: «вольво» этого класса относятся к числу самых безопасных автомобилей.

Со стороны Ширгорода проехал грузовик. Если его водитель и заметил свалившуюся в кювет иномарку, то никак не отреагировал.

Наконец дверца лежащей на боку вольвы открылась, и оттуда, оттолкнувшись руками, как из танкового люка, проворно выскочил мужчина с пистолетом в руке. Выскочил, спрыг-

нул и залег. За первым – второй, третий... Четвертого Ленечка срезал короткой очередью, и бедолага свалился обратно в машину. Остальные тут же открыли беспорядочный огонь. Ленечку они не засекли.

Бойцам дали возможность пострелять, затем, когда они немного успокоились, пальнул Монах. Он ни в кого не попал, просто обнаружил свое местоположение. Пассажиры вольвы тут же принялись лупить из пистолетов. Монах, поддерживая их энтузиазм, еще разок выстрелил, подняв над головой автомат. Сам он высовываться из-за камня не собирался: его задача – отвлечь.

Пока внимание противника сосредоточилось на противоположной стороне дороги, Ленечка быстренько пробежал по лесу метров тридцать, выхватил гранату и отправил ее в гости к неприятелю.

Взрыв. Визг осколков, звук рвущегося металла...

Сивый сверху видел и канаву, и дорогу в оба конца. Видел он, как ехавшие из Никитска «Жигули» ударили по тормозам, резко развернулись и рванули обратно. Разумное решение. Еще он видел, как за полминутки до взрыва один из пассажиров вольвы отделился от остальных, пригибаясь, пробежал по канаве метров тридцать и залег. Хорошая идея. Если незаметно пересечь дорогу, то можно взять укрытого стрелка в клещи. Идея хорошая, но не реализовавшаяся. Сивый выстрелил, когда взорвалась граната. Попал. С такого пустякового расстояния он попал бы даже из пистолета, не то что

из СВД.

К опрокинутой машине трое налетчиков подходили очень осторожно, поскольку внутри мог скрываться пятый пассажир.

Ленечка предостерегающе поднял руку.

Кап-кап-кап...

Звук явственно слышали все трое. Монах потянул носом, сделал отрицающий знак: не бензин. Тосол, скорее всего.

Сивый встал в десяти шагах с поднятой винтовкой. Монах прыгнул на машину. Вольва качнулась. Присев, как штангист, поднатужившись, Монах выволок наружу убитого и скинул в канаву, заглянул внутрь и крикнул:

– Пусто!

Передав Ленечке винтовку, Сивый полез в машину, повожился там некоторое время и вынырнул с кейсом в руке. Пока он обыскивал «вольво», Монах сноровисто обшарил убитых, рассовал по карманам документы, деньги и оружие.

Сивый, пристроив тяжелый кейс, маленький переносной сейф, на колено, внимательно изучал кодовый замок. Его товарищи молча наблюдали.

От интересного занятия Сивого отвлек жужжащий звук, хорошо знакомый всем троим. Не сговариваясь, они нырнули в лес и притаились. Первым, на приличной скорости, через бугор перевалил грузовик-дальнобой. Перевалил и умчался. Вертолет появился минутой позже. Появился и завис над дорогой.

Монах сделал пренебрежительный жест: машина была гражданской. Конечно, и на гражданской машине мог быть тепловой детектор и ловкие парни с оружием. Но трое приятелей тоже были ловкими парнями и тоже не с голыми руками.

Вертолет снизился до уровня древесных верхушек. Поток воздуха сотрясали сосны, от рева закладывало уши. Сивый опустился на колени, тщательно прицелился...

Три выстрела почти слились в один. Вертолет дернулся, «подпрыгнул» вверх и тут же камнем ухнул вниз. Упал он на кроны деревьев, у тех, кто внутри, оставался приличный шанс выжить, но стальная стрекоза рухнула прямо на дорогу. Грохот, скрежет – и оглушительный взрыв.

– Все! Уходим! – перекрывая рев пламени, крикнул Лешечка, и трое пустились в обратный путь.

Последним, с кейсом в руке, опять бежал Монах.

Глава седьмая

– Знаешь что, парень, – сурово произнес Застенов, – я бы на твоём месте сидел тихо, как мышка в норке!

– Это почему же? – сердито бросил Алеша.

– Потому что ты не в Англии! – отрезал Веня.

Он вытащил из кармана плоскую фляжку, отхлебнул, протянул юноше.

Алексей покачал головой.

– Зря, – отметил Застенов. – Отличный вискарь, скоч двенадцатилетний, без балды.

– Веня, я хочу объяснений, а не общих фраз! – не дал себя отвлечь Алексей. – В чем дело?

– А в том, – Застенов еще раз глотнул из фляжки, завинтил ее и спрятал. – Что ты, пацан, ни хрена в наши дела не въезжаешь! У Григорыча большие проблемы, Леха! А проблемы у нас знаешь как решаются?

– Как?

– Пулей, вот как!

– Не верю! – мотнул головой Шелехов. – В этой крепости?

– Да хоть где! – раздраженно произнес Застенов. – Не его, так других. Меня, тебя, кого угодно из наших. Блин! Да что я тебе толкую! Про Яблоко забыл?

– Веня! – Шелехов подошел вплотную к старшему другу. – При чем тут дядя Коля? Я хочу увидеть Алену. Я ее привез

сюда, хотя ей этого совсем не хотелось. Я чувствую свою ответственность, понимаешь?!

– К храму! – Стена резко повернулся, сжал Алешино плечо железными пальцами. – Забудь про девчонку! Выкинь ее из башки, если хочешь вернуться к себе в Англию!

– То есть, ты мне угрожаешь? – Алексей резким движением освободил руку.

– Не я! – рявкнул Застенов.

– А кто?

– Никто! – буркнул Стена. – Я и так тебе слишком много сказал. Все! – он шагнул к двери. – Сиди тихо, понял? – бросил он напоследок. – Тихо, как мышь, понял? Все!

И захлопнул за собой дверь.

Алексей двинулся было за ним, но остановился. Гнев – не лучший советчик.

Юноша опустился в кресло и задумался.

Вчера Николай Григорьевич поручил ему Алену. Сегодня помощники Хлебалова велят о ней забыть. Причем, если к Фоме у Алексея нет ни малейшего доверия, то сомневаться в искренности Застенова – никаких оснований. Значит, указание исходит непосредственно от Хлебалова. Значит, за это время что-то изменилось. Что? Веня сказал: у Григорыча неприятности. Интересно, какие?

Алеша встал. Подошел к зарешеченному окну. На стоянке перед особняком машин было значительно больше, чем перед зданием мэрии, располагавшейся напротив. Можно бы-

ло не сомневаться, кто истинный хозяин Никитска.

«Почему мне нельзя увидаться с Аленой? – подумал Алексей. – Из-за нее? Или из-за меня? Или из-за нас обоих? Или... Что там она рассказала о своей матери? Машины разбил грузовик-„вольво“. Водитель скрылся. Концов не нашли. Похоже? Не просто похоже, а один к одному. Совпадение? Может быть, но... сомнительно. Что общего между Алексеем Шелеховым и Аленой Булкиной? Чтобы выяснить это, неплохо бы поговорить с девушкой. Может, поэтому...»

Цепочку рассуждений прервало появление охранника.

– Собирай вещички, парень! – скомадовал он. – Велено освободить апартаменты!

Шелехов, не отвечая, посмотрел на охранника. Взгляд, который он позаимствовал у своих английских наставников. Взгляд лорда.

Через четверть минуты охранника проняло, наглости на физиономии поубавилось.

– Собирай вещи, говорю, – повторил он тоном ниже. – Начальство распорядилось.

– Кто? – ледяным тоном осведомился Алеша.

– Фома Галактионович.

Не отводя взгляда от охранника, Алеша снял трубку, набрал внутренний номер:

– Фома?

– Фома Галактионович сейчас занят, – ответил женский голос.

– Я подожду.

– Фома Галактионович освободится не скоро.

– Я жду ровно минуту, – ледяным тоном произнес Алексей.

В трубке пискнуло и раздался голос хлебаловского секретаря:

– Слушаю вас.

– Это Шелехов, – сухо произнес Алексей. – Ко мне пришел ваш человек. Что ему нужно?

– Тебя переводят в другую комнату, – недовольно ответил Фома. – В другую комнату, ты понял?

Алеша молчал.

– Ты меня слышишь? – спросил Фома.

– Николай Григорьевич вернулся?

– Нет. Перевести тебя – это его распоряжение! – голос Фомы звучал очень недовольно.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – сказал Шелехов и усмехнулся. – Эта комната меня вполне устраивает. – Он хотел вывести секретаря из терпения, но не преуспел.

– Это делается в целях безопасности, – спокойно ответил Фома.

– Что же случилось? – с иронией осведомился Шелехов. – Нашествие крыс?

– Нет, молодой человек. Не крыс. Нам объявили войну. Час назад расстреляна наша машина и сбит наш вертолет, понятно? И не отнимай больше моего времени, делай, что

говорят! – Фома бросил трубку.

Алеша не стал звонить еще раз.

– Вон чемоданы, – сказал он охраннику. – Отнеси, пока я соберу остальное.

По роже охранника было видно, что в носильщики он не записывался. Но Алеша уже отвернулся и вел себя так, словно не выполнить его распоряжение невозможно.

Охранник вдохнул... выдохнул, взял чемоданы и удалился.

Вернулся он минут через десять, мрачный и готовый к злобной отповеди, если его заставят тащить еще что-нибудь.

Алеша не дал ему повода высказаться, сам взял ноутбук, дорожную сумку и вышел из комнаты.

Новые апартаменты трудно было назвать роскошными. Особенно в сравнении с прежними. Небольшая комната, санузел, синтетический ковер на полу. Ни бара, ни телевизора... Ни окон. Очень похоже на тюрьму.

– Если что надо – звони, – мрачный охранник показал на желтую кнопку на стене.

Дверь он запер снаружи, а внутри, в скважине замка, ключа не было. Зато над плинтусом Алеша углядел телефонную розетку, причем европейскую, а не отечественную. Сам телефонный аппарат отсутствовал, но Шелехова это не смутило. Строго говоря, его не смутило бы и отсутствие телефона. В чемодане у него лежал портативный компьютер, а в компьютере имелся встроенный модем, способный напрямую свя-

зыватья со спутником. Правда, не факт, что он «взял» бы из этого бункера, так что розетка не помешает. И те, кто хотел изолировать его от внешнего мира, остались в дураках.

Ширгородский кусочек Интернета оказался на удивление убогим, а никитский – и того меньше – у здешнего единственного провайдера чуть больше сотни пользователей. И одним из них был лично хлебаловский секретарь Фома. Выяснить его адресок и еще два адреса, также принадлежавших хлебаловскому ведомству, не составило труда. Поэтому, не мудрствуя лукаво, Алеша изготовил стандартное рекламное письмо на рассылку прайсов и заправил по всем трем адресам. Присовокупив к каждому письму крохотного, совсем свежего «троянчика».

Покончив с этим делом, Алеша связался со своим приятелем из хакерского клуба тусовки и попросил слить ему несколько конкретных программ.

– Ты что, банк ломать собираешься, Стрелок? – поинтересовался приятель.

– Точно.

– С тебя процент! – на экране возникла ухмыляющаяся физиономия.

– А с тебя – поддержка.

– Да хоть всей бандой!

– Заметано.

Следующим ходом Алеша попытался проникнуть в архивы Никитского УВД. И потерпел сокрушительный крах, по-

скольку на балансе никитской милиции модемов не числилось. Но и вне баланса – тоже. Шелехов сделал правильные выводы и поднялся на уровень выше. В Ширгородском ГУВД модемы имелись. И, к удивлению Алеши, стояла приличная защита, ломать которую в одиночку было хлопотно. Зато в Ширгородской мэрии защиты не было вовсе, и Шелехов без проблем получил доступ к имевшимся в базах документам. Документов оказалось целое море. Но Шелехов очень быстро отыскал конфиденциальную факсовую переписку между боссами от политики и милицейскими «шишками». Ни те, ни другие совершенно не заботились об уничтожении документов, полагая, что компьютер – что-то вроде печатной машинки и забывая, что в каждом учреждении машины увязаны в локальную сеть при том, что и там, и там имелись любители на халяву (вернее, за счет учреждения) ползать по сетке или побиться в «квейк» в хорошей компании. В этих тепличных условиях хакерский плющ разрастается в ветвистое дерево. Кроме того, здесь понятия не имели о том, как много информации содержится в вордовском документе помимо собственно чистового текста.

Неожиданно вышел на связь один из «троянчиков». «Открылся» компьютер административно-хозяйственного отдела. К сожалению, он оказался не связанным с остальными машинами. Алеша попытался пройти на сервер хлебловской сети, но потерпел фиаско. Но и административно-хозяйственный комп тоже оказался бесполезен. Пятый

«пень», почти не уступающий в быстродействии шелеховскому ноутбуку, с немеряным «винтом»... доверху забитым игрушками. Полезной информации – максимум на два гига. Порывшись в ней, Алеша обнаружил пару по-чайниковски запароленных файлов, без труда их распечатал и в одном из них нашел очень интересную картинку. Настолько интересную, что, скачав ее к себе, Шелехов вышел из сетки и крепко задумался.

Картинка представляла собой трехмерный поэтажный план здания, построенного купцом Дорошенковым. И на плане этом (красным, для удобства изучающего) было обозначено то, что ни в коем случае не предназначалось для глаз постороннего наблюдателя: упрятанные в мощных стенах дома потайные ходы.

Через четверть часа Алеша выяснил: один из невидимых коридоров проходит рядом с этой комнатой. Локализовав «вход», Алексей встал и без особого труда обнаружил ниточку-щель, прямоугольником очертившую стену. Увы, сколько он ни нажимал на полутораметровой высоты «дверь», толку не было. Везение закончилось. Каменный блок даже не шелохнулся.

Глава восьмая

Девять человек тщательно обследовали брошенный лагерь, в котором недавно кушали макароны трое «разбойников». Каждую травинку. Каждую царапину на дереве. Десятый, Тиша Кочко, бывший опер из Ширгородского РУБО-Па, подставленный (с тайной подачи Хлебалова) умельцами из областной «рыбинспекции» и выкупленный, но уже явно, Хлебаловым же, присматривал, чтобы работа шла как следует. Общее представление о происшедшем у Тиши уже сложилось. Он знал, сколько было нападавших, что они ели, как развлекались и как вели наблюдение. На сосну Тиша лазал сам в надежде отыскать что-нибудь типа нитки или подсохшей кровавой капельки. Не нашел ничего. Ни там, ни на поляне. И проникся уважением к лихой тройке. Следов была масса, но ничего конкретного. Даже паршивой корки с отисками зубов. Правда, по отпечаткам обуви можно примерно определить рост и вес, да что толку?

– Надо вычислить джип, – сказал Тише бригадир поисковиков по кличке Дыня. – Ну, может, где купили или там, кто, конкретно?..

Кочко вздохнул:

– Это наш джип, – сказал он. – Угнанный. У него протектор характерный.

На поясе у Дыни загудела рация.

– Тебя, командир, – он передал агрегат Тише. – Хозяин.

– Я, – устало произнес Кочко. – Да, работаем. Нет, не обнаружен. Нет, уничтожен – вряд ли. Это же минисейф. Да, будем искать. Конец связи.

– Чего он? – заинтересовался Дыня.

– Кейсом интересуется. Может, говорит, сгорел?

– А может?

– Может, – сказал Кочко. – В мартеновской печи. Я эту систему знаю.

– А чего там было? Бабки?

Кочко пристально посмотрел на Дыню. Под этим взглядом жадный интерес в Дыниных глазках истаял, а на физиономии появилось что-то вроде смущения.

– Да я так, – пробормотал он. – Полюбопытствовал...

– Пошли, – сказал охранник. – Хозяин зовет.

– Сейчас, – Алеша выключил компьютер, но без спешки, чтобы охранник успел увидеть картинку «Starcraft». Пускай доложит по инстанции, что Шелехов использует компьютер так же, как большинство его российских сверстников: играет в игрушки.

В коридоре молоденькая девушка драила пылесосом ковровую дорожку. Охранник мимоходом ущипнул ее за попку, получил кулачком по спине и заржал.

Фомы в приемной не было – только накрашенная, как матрешка, секретарша. Зато в кабинете Хлебалова, помимо хо-

зьяина, находился Веня Застенов.

– Я слышал, ты недоволен? – проворчал Хлебалов.

– Добрый день, Николай Григорьевич! Привет, Веня!

– Привет! – Стена чуть усмехнулся: малыш умеет себя поставить.

– Кому добрый, кому нет, – буркнул Хлебалов. – Мне сказали: ты что-то требовал. Никто ничего не может *требовать* у меня в доме! Только я!

– Николай Григорьевич, – Алеша посмотрел прямо в глаза опекуну. – Вчера вы поручили мне девушку, которую, кстати, я привел в этот дом. И за которую полагаю себя ответственным. И я не допущу, чтобы ее обидели. Тем более после того, как она осталась сиротой. Как и я. И еще я хочу сказать, что вижу очень неприятное сходство в том, как погибли мои родители – и ее.

– Уж не меня ли ты хочешь обвинить в этом? – грозно произнес Хлебалов.

– Николай Григорьевич, я был мальчишкой, когда погибли мои родители...

– Ты и сейчас мальчишка... – проворчал Хлебалов.

– ...И у меня нет фактов, чтобы обвинять кого-то конкретно. Но расследование проведено халатно, даже на мой непрофессиональный взгляд. Вы же, как не раз утверждали, были другом моего отца. И мне известно, что здесь, в Никитске, никто не может с вами не считаться. Почему тогда вы не позаботились о том, чтобы выяснить правду?

– Научили тебя языком молотъ в твоей Англии! – проворчал Хлебалов. – Ты не похож на своего отца, мальчишка! Тот верил своим друзьям и не наезжал на них с глупыми подозрениями, когда у них неприятности!

– Вы не говорили мне, что у вас неприятности, – вежливо произнес Алексей.

– Теперь говорю! А теперь скажи: разве не я велел дать тебе документы?

– Вы, – согласился Алеша.

– Разве я не относился к тебе, как к сыну? Разве тебе не хватало денег? Разве тебе в чем-то отказывали? Разве ты не получаешь наилучшее образование, в то время как я вынужден разбираться с курганскими бузотерами, чтобы твое имущество не растащили и не пропили?

– Простите, Николай Григорьевич, но разве Курганский завод не приносит прибыль? – поинтересовался Алеша.

– Приносит! – рявкнул Хлебалов. – Потому что им управляю я, понял?! Не нравится – забирай его! И, я отвечаю, через год его раздавят налогами, закроют к херам наши сраные власти или заберут бандиты. И хорошо еще, если тебя самого не посадят, понял?

– Николай Григорьевич, – спокойно сказал Алеша. – Я благодарю вас, что вы приняли на себя эту обязанность. И благодарю вас за то, что я не испытываю недостатка в деньгах и учусь в дорогом колледже в Англии. Я уже говорил, благодарен и вам, и Вене, и дяде Фиме, и дяде Коле Яблоку,

будет земля ему пухом, – если у меня возникают сомнения, я считаю бесчестным утаить их от вас. И таким же бесчестным считаю бросить человека, который мне доверился. Я говорю об Алене. Развейте мои сомнения, успокойте мою совесть – и можете твердо рассчитывать на мою помощь, если она вам требуется.

– Вот это уже лучше, – кивнул Хлебалов. – Касательно твоих родителей ничего говорить не буду: сейчас не до этого. Меня, Алеша, подставили на очень большую сумму. И я должен выкручиваться, иначе упаду не только я, но все, кто со мной связан. И ты в том числе. Кроме того, те суки, которые убили Яблоко, и, скорее всего, похитили Алену Булкину, не унимаются. Я почти уверен, что именно они застрелили ее отца. А вчера взорвали мою машину с ребятами и сбили вертолет.

– Ничего себе! – удивился Алексей.

– А ты думал? Это война, мальчик. А насчет девушки не беспокойся. Я отправил ее в Ширгород, здесь ей оставаться опасно. И тебе, кстати, тоже.

– Мне не хотелось бы уезжать сейчас, – сказал Алеша.

– Тогда изволь выполнять все требования безопасности! – рявкнул Хлебалов. – Или тебя пристрелят, как Яблоко.

– Не понимаю, зачем меня убивать? – пожал плечами Алексей.

– Всадят пулю – поймешь! – отрезал Хлебалов. Но тут же смягчился и прибавил: – Ты – формальный владелец значи-

тельных ценностей. Ты наследник. А вот у тебя наследников нет. И завещания ты не писал, верно? Кстати, если ты не передумал учиться дальше, нам с тобой следует оформить наши взаимоотношения. Как только тебе исполнится восемнадцать, я по закону потеряю право вести твои дела. Ты не передумал насчет учебы?

– Нет, – Алексей покачал головой.

– Тогда я прикажу подготовить новый пакет документов, по которому ты назначаешь меня управляющим. Срок поставишь сам: я не знаю, сколько ты намерен учиться. Устраивает?

Шелехов кивнул.

– Тогда, если у тебя больше нет вопросов, – будь здоров. У меня дел и без твоих заморочек хватает.

– Вопрос только один, – сказал Алексей. – Надолго это все?

– Неделя, две, месяц! – раздраженно буркнул Хлебалов. – Откуда я, на хрен, знаю? Надоест – скажешь. Посадим тебя в инкассаторский броневедомоуль – и отвезем в аэропорт. Я, Алексей, не хочу, чтобы тебя убили!

Шелехов посмотрел на своего опекуна и почувствовал, что тот говорит искренне.

– Хорошо, – согласился он. – Я подожду, сколько надо.

Провести каникулы в подвале – невелико удовольствие. Но уезжать в Англию не хочется. И вдруг он как-то сумеет помочь Алене?

– Будь здоров! – Хлебалов нажал на кнопку.

– Проводи, – велел он охраннику.

– Пока, Леха! – Застенов пожал Алеше руку. – Будь осторожен... – одними губами прошептал он.

И ощущение доверия, которое возникло у Алексея от последних слов Хлебалова, развеялось.

Пока его не было, в его комнату-камеру принесли видеодвойку и коробку кассет. Кассеты, вероятно, позаимствовали у кого-то из охранников: половина – боевики, половина – порнуха. Чтобы не огорчать благодетелей, Алеша воткнул какое-то мочилово, врубил погромче звук и задумался.

Значит, у Хлебалова проблемы. Финансовые и, если можно так выразиться, деловые. Если, конечно, его заботливый опекун не соврал. Скорее всего, нет. Уж очень реалистично Хлебалов изображал гнев. Должно быть, автор угрожающего стишка намерен выполнять обещания. А вот что касается финансовых проблем, то можно попробовать потянуть за кончик цепочки, который у него имеется: личный счет Алексея в Великобритании. Попытаться выяснить, откуда приходят на него деньги. А затем попытаться продвинуться дальше.

Алеша понятия не имел, что он будет делать, даже если ему и удастся добраться до хлебаловских финансовых потоков. Наверняка это будет какой-нибудь офшор, как это принято здесь, в России... Наверное, Алексею просто хотелось

предпринять хоть какие-то действия. Однако его усилия за-
стопорились уже на втором этапе.

Стальной кейс лежал на коленях у Евгения Бессонова. Кейс был заперт.

Шесть человек сгрудились вокруг. Вся армия Вань-
ки-мстителя. Две боевые тройки да он сам. Семеро – про-
тив сотен боевиков, не говоря уже о государственных слу-
жителях правопорядка, которые поголовно на содержании у
Кольки Хлебалова. Всего семеро, но зато каждый – круче
крутых. И у каждого к Хлебалову свой счетец. Личный и
конкретный.

– Вырезать кусок – и все дела! – не выдержав, заявил Мо-
нах.

– А если рванет? – усомнился Уж, лидер второй тройки,
маленький, остроносый, с виду совсем не грозный... И от-
того еще более опасный.

– Ну вот и сделай, чтоб не рвануло, – сказал Монах. – Ты
ж подрывник!

– А если испробовать ту хреновину, которая замки распе-
чатывает? – предложил Ленечка.

– У нас ее нет, – резонно заметил Уж.

– Я знаю, у кого есть.

– В Кургане? – спросил Бессонов.

– В Никитске. У Веньки Стены.

Все засмеялись.

– Попроси! – предложил Уж. – Приди к нему домой и попроси. Стена тебе даст.

– Из четырех стволов в башку! – добавил Салават, шкафоподобный татарин из Ужовой тройки.

– Домой не надо, – неожиданно сказал Сивый. – Стена ее в машине возит.

– Откуда ты знаешь? – спросил Бессонов.

– Мишка ребятам по пьянке хвастал. Говорил, любую электронику мигом вскрывает. Хоть дверь, хоть тачку.

– В машине, значит... – протянул Уж. – В машине – это уже интересно. Я бы рискнул, а, Бессон?

– Рискни, – согласился Бессонов. – Только один не ходи. Монаха возьми, его рожа в Никитске не засвечена.

Уж скривился:

– Я лучше один, – запротестовал он. – От Монахова трендения у меня уши в трубочку сворачиваются.

– Вот и замечательно! – покровительственно заявил Монах. – Будут не такие лопоухие!

– Я его зарезу! – с тоской произнес Уж.

– Все, – оборвал Бессонов. – Берешь Монаха.

– А может, хрен с ним, с чемонадом? – со слабой надеждой предложил Уж. – Обойдемся без этих бабок!

– Ты, Уж, за себя говори! – возмутился Монах. – Я лично...

– Заткнись, – остановил его тираду Бессонов. – Я не думаю, что это деньги, Уж. Или – не только деньги. Давай, сде-

лай. Все равно трассу пока придется оставить в покое.

– Почему? – удивился Салават. – Тачки же ездят, деньги возят...

– Потому что ты тупой! – сердито сказал Монах. – За жопу возьмут, вот почему!

– Сам ты тупой! – буркнул Салават. – Я знаю, зачем ты в город хочешь!

– Ну-ка, ну-ка?

– Пожрать! – с довольной мордой выпалил Салават.

– Десятка! – восхищенно пропел Ленечка.

Семеро разбойников расхохотались. В том числе и сам Монах.

Глава девятая

В небольшом телевизоре тощий бритый негр с постным лицом прочищал изнутри старательно охающую девку. Оба блестяли от пота. Надо полагать, от жара юпитеров, которые остались за кадром.

– ...Все, что я смог установить, – набрал Алеша по-английски на клавиатуре портативного компьютера, – это то, что деньги ежегодно переводит один люксембургский банк. Мне надо проследить цепочку, Стив.

– Ты преувеличиваешь возможности нашей банды, Блэкарчер, – ответил Стив. – У вас в России, может, ломать банковские защиты – нет проблем. В цивилизованных странах за это больно бьют по пальцам!

– Тогда пошевели своими мозгами и предложи кое-что получше. У меня что ли папаша – законодатель?

Пауза затянулось чуток подольше, чем требуется для передачи сообщения. Стив Венсон, единственный англичанин в их интернациональной тусовке, размышлял.

– Ладно, Стрелок, – наконец изрек он. – Попрошу отца. Стивен Венсон-старший – большая шишка, парень! Но законники, не говоря уже о законодателях, в наше время стоят недешево!

– Я заплачу, – набрал Алеша.

– Заплатишь. Двести шестьдесят фунтов. Мне.

– Почему именно двести шестьдесят?

– Мне карта новая нужна, а она как раз на столько и тянет.

Пока. Береги себя, брат, ты теперь мой должник.

Алексей выключил компьютер и встал. Заветный прямоугольник – плита, перекрывающая потайной ход, притягивала его, как магнит. Стены он уже обследовал досконально. Все четыре. Опыт компьютерных игрушек подсказывал: отпирающая кнопка может располагаться и на соседней стене... И в другом помещении. Но поскольку в другие помещения не попасть, то следует мыслить рационально. То есть отбросить все недоступные возможности. Кроме стен имеется еще пол и потолок.

Начав с пола, Алеша почти сразу же нашел то, что искал. Одна из квадратных паркетин при простукивании отозвалась иначе, чем остальные. Минут через пять с помощью перочинного ножа ее удалось откинуть. Под плиткой обнаружилась небольшая ниша, а в нише – ручка наподобие ручки эспандера. Алексей с немалым усилием потянул ее на себя, и ручка подалась, потянув за собой тонкую стальную струну. Каменная плита с омерзительным скрипом поползла назад... Алеша отпустил ручку, и плита плавно, но достаточно быстро вернулась на место. Никаких следов, кроме паутиной щели и некоторого количества пыли на полу. Пыль Алеша вытер, а затем снова включил компьютер и вызвал план здания. Потайные ходы пронизывали его насквозь сверху донизу, но выходили далеко не во все комнаты. Зато целых два

ответвления вели за пределы дома. Куда – неизвестно. Тоннели «уходили» за край схемы. Следовательно, прежде чем осуществлять побег, необходимо провести разведку. И при этом утаить от сторожей, что заключенный покидал комнату. Лучше всего это сделать ночью, вернее, после ужина. Телекамеры в комнате вроде бы не было, но микрофон наверняка имелся. Что ж, микрофон можно и обмануть.

Алеша разглядывал схему до тех пор, пока не убедился, что запомнил ее в мельчайших подробностях. Теперь он без труда мог бы найти любое помещение, правда, понятия не имел, что находится внутри большинства комнат.

Оставшееся время Алеша провел в местной сетке. Узнал ширгородские и никитские новости, выяснил прогноз погоды, ознакомился с местным справочником «Who is who» и скачал кое-что к себе на винчестер, кое-что – на виртуальный диск, с ходу прикинув, к кому можно обратиться за поддержкой. Теоретически. Практически же Алеша решил для себя, что есть только один человек, которому хочется доверять. Клим.

Конечно, Алексей почти ничего не знает об этом курганском неформальном лидере, но очевидно, что он не из команды Хлебалова и достаточно авторитетен, чтобы с ним считались. Разумеется, до Кургана еще нужно добраться. И, добравшись, найти там Клима. Обидно, что ни на кого из старых друзей нельзя положиться. Веня Застенов, конечно, крутой парень и к Алеше хорошо относится, но играть бу-

дет явно на стороне Хлебалова. Юматов – тем более. Сам же Хлебалов... Шелехов вздохнул. И еще есть Алена.

Уж и Монах прятались в зарослях сирени. Они провели здесь уже полтора часа к немалой радости городских комаров. Впрочем, в лесу комаров было еще больше. Зато народу меньше. Сиреневые кусты у этого народа были весьма популярны. В качестве отхожего места. Братьев-разбойничков, правда, пока не обнаружили, но все равно удовольствие небольшое. В промежутках между визитами опорожняющихся граждан Монах недовольно бухтел. Уж тоже злился, но молча. Это он предложил укрыться здесь, потому что место казалось идеальным: до застеновского мерса – рукой подать. Оставалось выждать, пока оставшийся в машине шофер-охранник (не Миша, его коллега) задремлет или пожелает выйти проветриться. В идеале – к этим вот кустам. И надеяться, что это произойдет раньше, чем выйдет из подъезда пятиэтажки натрававшийся Застенов. Это была уже вторая бессонная ночь. Первую Уж и Монах провели на соседней крыше, а днем Уж, прикрывшись удостоверением инструктора по подводному ориентированию (цвет, герб, тиснение), пообщался с местными бабульками и выяснил, что любвеобильный Стена в последний месяц посещает подругу довольно часто. Сообщили ему также, что подругу зовут Нинкой и что родители у нее – «приличные», а вот сама Нинка – блядь. И далее – об общем падении нравов. Уж пообещал

принять меры и бабушкам очень понравился.

Застенов был любвеобилен, но не беспечен: приезжал всегда с двумя охранниками. Один сидел в машине, второй контролировал подъезд. Если бы Уж решил застрелить Застенова, он сделал бы это играючи. Выстрелить с хорошей дистанции из винтовки, оснащенной ночной оптикой, а затем скрыться – куда легче, чем без шума проникнуть в запертую машину, нейтрализовать находящегося внутри охранника (да еще так, чтобы ничего не заметил тот, что в подъезде), а затем отыскать в салоне или в багажнике прибор размером с видеокассету.

Очередной гуляка, вихляясь, направлялся к сиреневым зарослям. Ширинку он расстегнул еще загодя.

– Есть идея, – прошептал Монах.

– Какая? – насторожился Уж.

В минувшие два часа основные идеи его напарника генерировались в двух направлениях: пожрать и поспать.

– Кинематографическая.

Гуляка опорожнился и приступил к сложной процедуре засупонивания.

– Братан! – радостно завопил Монах, выныривая из кустов. – Здорово!

Гуляка тупо уставился на него.

– Ты... это... кто?

– Я! – весело заорал Монах, налетая и больно щелкая по головке червяка, свешивающегося из расстегнутой ши-

ринки.

– Бы-ля! – взвыл мужик. – Бы-ля! Ты!

Монах ловким толчком направил его к мерсу.

– Ты! Сука! Козел! – визжал оскорбленный писун, размахивая руками и норовя покуситься с врагом. Покуситься ему не удавалось, поскольку враг все время оказывался вне поля зрения, и законное негодование писуна обрушивалось на толстую спину мерса.

Нельзя сказать, что подобное обращение понравилось тому, кто сидел в салоне, но телохранитель Застенова показал себя человеком дисциплинированным: вместо того чтобы выскочить из машины и лично навешать трендюлей, вызвал по «трубе» напарника:

– Вася, спустись. У меня на капоте алкаши передрались.

Монах элегантно подставился под плюху, взревел:

– А, ты драться!!! – сгреб бедного гуляку, развернул, незаметно, но очень точно ткнул пальцем в живот – и бедолага смачно метнул блевотину на лобовик мерса.

В этот момент рядом возник Уж и вцепился в Монахов локоть.

– Коля, Коля! – запричитал он. – Ну кончай, Коля!

– Убью!!! – ревел Монах, встряхивая несчастного гуляку так, что с него свалились незастегнутые штаны. – Убью!!! – и незаметно поддавал коленом мерс.

Тщедушный с виду Уж висел на нем и жалобно причитал. Из подъезда появился Вася и, не долго думая, пустил в

ход внушительный кулак. Только целил он в Монаха, а попал почему-то по стеклу мерса. Стекло выдержало, набитый кулак – тоже. Монах с пьяным воплем выпустил впавшего в оцепенение гуляку, споткнулся о него и, падая, боднул застеновского телохранителя в переносицу. Боднул и рухнул на него, придавив к земле. Высший пилотаж!

Тут боевая натура водителя не выдержала, он распахнул дверцу... внезапно замолчавший Уж рубанул его по горлу.

– Извини, земляк, – сказал Монах совершенно ошалевшему гуляке. – Обознался. На, опохмелись! – сунул ему столик и прыгнул в машину.

* * *

– А если он в самом деле захочет уехать? – спросил Фома. – Неужели вы его отпустите, Николай Григорьевич?

– Не болтай глупостей! – отрезал Хлебалов. – Сначала надо вымести все лишнее из его башки. Приедет Юматов – пусть думает. Они с Венькой слишком беспокоятся о мальчишке!

– А вы, Николай Григорьевич?

– Я? – Хлебалов хохотнул. – Я, Фома, слишком многого достиг, чтобы беспокоиться о ком-то. Парень пока мне нужен. И в будущем тоже может быть полезен. Свой человек за бугром, преданный и понимающий в тамошних законах дорого стоит.

– Дороже тех миллионов?

Хлебалов хмыкнул.

– Бывает, что и дороже.

– А по мне, – сказал Фома, – я бы подключил наших психиатров – и через месяц у нас был бы вежливый и покладистый мальчик.

Тут Фома вздохнул.

– Мысль верная, – согласился Хлебалов и посоветовал: – Скажи об этом Застенову.

– Застенов – грубый и несдержанный мужчина.

– Вот это точно! – Хлебалов расхохотался. – И гомиков на дух не переносит.

– Я не гомосексуалист, – обиженно произнес Фома. – Я бисексуал!

– Да мне насрать, – грубо сказал Хлебалов. – Лишь бы ты не ленился и шесток свой знал. Намек понял?

– Понял, – пробормотал Фома. – Сурьин звонил.

– Ну? Что ж ты молчишь, дурень! – рявкнул Хлебалов. – Что?

– Он согласен. Деньги переведет, как только получит девочку.

– Отлично! – Хлебалов хлопнул секретаря по плечу. – Но расклад будет другой. Пусть переведет половину, потом девочка, потом – вторая половина.

– А если не согласится?

– Согласится. Один контрольный пакет Речбанка потянет

больше. А соплячка – это не только банк, но и весь концерт. Какой был бы для нас вариант! – Хлебалов вздохнул. – А «Речтранспорт»? «Речтранспорт» да моя «рыбинспекция» – и вся Юрь у меня в кармане! Ах Медведев, ах сука, какой вариант погубил! – Хлебалов сокрушенно покачал головой. – От Филина ничего?

– Пока нет.

– Все, свободен.

Фома вышел, а Хлебалов занялся бумагами...

Алеша еще некоторое время наблюдал за ним, потом воткнул на место затычку и двинулся дальше.

На первый «глазок» Шелехов наткнулся случайно: зацепился рукавом за ржавый гвоздь – и нечаянно вывернул пробку, закрывавшую дырку в стене. Заинтересовался, посветил фонариком, ткнул пальцем – и разорвал обои, которые наклеили при ремонте, не ведая о потайном отверстии. Обнаружив первый «глазок», Алексей принялся за поиски других – и преуспел. Смотровыми дырками были «оборудованы» далеко не все комнаты. Так что с кабинетом Хлебалова Алеше просто повезло. Еще в кабинете имелся точно такой же лаз в потайной ход, как в Алешиной комнате. С той разницей, что рядом с комнатой, в которую был «заточен» Шелехов, имелся рычаг, отпиривший тайную дверь из тоннеля (перед тем, как отправиться в путешествие, Алексей убедился, что механизм исправен), а здесь такой рычаг был

срезан, а на кирпичной кладке остался черный след газового резака. Возможно, существовал какой-то другой способ попасть в кабинет из потайного хода, но искать Алеша не стал: слишком долго и рискованно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.